

BILLY 'REBEL'

СОЛНЦЕ
СКВОЗЬ
ВОЛОСЫ

Billy 'Rebel'

СОЛНЦЕ
СКВОЗЬ ВОЛОСЫ

ХИППОВСКИЕ

С Т И Х И

И

П Р О З А

1985 — 2016

Billy 'Rebel'

СОЛНЦЕ
СКВОЗЬ
ВОЛОСЫ

Поэзия и Проза
(1985-2016)

MMXVIII

СОЛНЦЕ СКВОЗЬ ВОЛОСЫ

(Sun Through The Hair)

Стихи, проза / Poems, fiction stories © 'Amanda Dee', 2018

Первое Издание / First Edition

(In Russian Language (mostly))

ISBN: 978-0-244-36968-2

ISBN: 978-0-244-66968-3 (e-book)

MayfairBooks, London, 2018

All Rights Reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system without express written permission from the Author.

Все авторские права защищены законами РФ и международными законами о защите авторских прав. Любое копирование, воспроизведение, частично или полностью, запрещено без письменного разрешения Автора.

Вопросы к Автору и Издателю / All Enquiries: mayfairbooks7@gmail.com

Тематика (Library Tags): Русская Поэзия / Поэзия Неформалов / Поэзия Андеграунда

Russian Literature / Soviet Underground Literature / Soviet Hippies' Culture

1. Об Авторе

МОЕ ХОЖДЕНИЕ В ХИПЛЯНДИЮ

Мое знакомство с хиппи началось в 6 классе в нашем школьном кабинете географии.

Конечно, и в детсадовские времена я видела волосатых хулиганов в истертых до белизны джинсах и цветастых рубашках с растегнутыми воротами и массивными распятиями на шее, выдавшими виды гитарами, хрипло приветствовавшими друг друга словами "Хиппуешь, плесень?". Они пролезали через дырку в заборе на территорию детского сада и усаживались в пустовавшей сломанной беседке курить и петь песни.

Мы сбегались и с любопытством разглядывали их, пока наши воспитательницы, наобщавшись друг с другом, не замечали пропажу основной массы детей и не поднимали тревогу - выгонял 'хиппанов' почему-то всегда местный пожарник, они лениво огрызались и нехотя уходили в ту же дырку, но через несколько дней появлялись снова.

Когда в 6 классе в кабинете географии я случайно набрела на статью Генриха Боровика «Хождение в страну Хиппляндию» в сентябрьском номере журнала "Вокруг Света" за 1968 год, хулиганы из сада вспомнились снова и стали намного ближе и понятнее.

Но казалось, что в СССР этого уже нет и быть не может.

Учительница географии подарила мне этот журнал как одному из любимых и хорошо успевающих ее учеников. Я

раздербанила его на странички и оклеила ими стену своей спальни. Я читала его как библию - несколько раз в день...

Стала строить планы побега в Сан-Франциско. Любим путём. Участвовала в пионерских конкурсах для эрудитов типа "кто больше всех знает о Венгрии / ГДР / Кубе?", а дома на картах вычисляла кратчайший и оптимальный план побега из них - в случае если я выиграю главный приз - поездку в соцстрану... занималась профессионально плаванием - на случай, если придётся плыть от Кубы до Флориды. Выиграла какую-то плавательную олимпиаду между районов Москвы в своей возрастной группе...

Но меня никуда не посылали... дальше вторых мест в конкурсах я не выигрывала и мне дарили кучу всяких сувениров из стран, в которые уезжали чьи-то дети... Родственники, которым я призналась, что больше всего на свете хочу путешествовать, помогли включать меня в составы творческих коллективов, которым предстояли гастроли, но перед самым отъездом - коллективы просили меня из списка удалить... может быть это было просто жестоким невезением, а может тем, что папа родился на оккупированной территории, а родители мамы были репрессированы...

В декабре 1983 года самым странным образом я оказалась в ленинградском Сайгоне в составе группы 'детей' работников академии наук, приехавших в город для посещения Эрмитажа и Смольного... там я познакомилась наконец с советскими хиппи, но сама осмелилась выйти на тусовку только годы спустя...

Если меня не пускают в Сан-Франциско, подумала я, я впущу Сан-Франциско в себя, стану жителем Хэйт-Эшбери прямо тут, дома, в Москве.

Мой отец смеялся надо мной и говорил, что хиппи из меня не получится, что он поверит в то, что я хиппи, только когда 'настоящие хиппи' скажут ему об этом. Ждать этого долго не пришлось. Когда я в очередной раз исчезла из дома, уйдя на трассу, в нашу квартиру почти каждый день ломались колоритные незнакомцы в хайратниках и причудливых прикидах, ища вписки :)

Все, представленное в этом сборнике, было написано мной в основном от мужского лица, за много лет до моей смены пола, а именно между 1985 и 1991. Отдельные дополнительные материалы относятся к более поздним годам, когда я уже жила в Великобритании – 1993-2016.

Не судите строго. Несомненно, это не литература – это детское баловство, пробы пера, самовыражение... это наше творчество «андеграунда» , мы создавали его только для самих себя и других таких, как мы, мы размножали это на пишущих машинках под копирку и распространяли по тусовкам и коммунаам... Среди стихов тут – много песен, поэтому они иногда странно читаются без музыки. Есть наброски и просто рифмованные размышления из записных книжек... Это скорее литературные артефакты, творческие иллюстрации нашего времени и нашего круга.

Мир вам всем да любовь....

Билли ☺

Ньюбери, Западный Баркшир, Великобритания, 2018

ОТ АВТОРА: НЕМНОГО О СЕБЕ

(Из Предисловия к сборнику

«Осколки Высохших Цветов», 1988)

В Систему я пришел весной-летом 1984 года. Тусовался с узким определенным кругом людей – в так называемой «замкнутой тусовке», каких было много в те годы.

В конце 1985 года она окончательно развалилась и ее остатки вышли на Гоголя и другие центровые тусовки.

В декабре 1987 года вместе с Кэт Вольфович я был одним из организаторов журнала «Воскресение (Системы)», идеей которого было возродить в системе изначальные идеалы хиппи. После выхода двух номеров журнал распался.

Летом 1988 года на Страстном бульваре мною была организована акция «Дерево» - нами был посажен молодой клен, который почти через месяц спилили официальные озеленители района.

С 20 сентября, будучи членом творческого объединения «Дети Подземелья» (ДеПо), выставлялся как художник в красном уголке при ЖЭКе № 9 (ул. Бурденко, 11а). Там же организовывал выступления волосатых команд. После выступления группы психоделического джаза «Дзю Ом» – «детей» выгнали из «подземелья». Вот и все! Автор. (1988)

Примечание 2018 года:

Кэт позже имела серьезные проблемы и обыски в связи с нашим полудетским, но по-взрослому злым на советскую власть самиздатом, через какое-то время она вышла замуж за известного в среде хиппи ныне покойного барда Папу Лешу. Помимо журнала «Воскресение», мы делали информ-листок «Глас Совка», «Глаз Андеграунда» и другие печатные издания.

Творческих коллективов под названием «Дети Подземелья» в среде хиппи было два. Мы не имели отношения ко второму, больше литературному, в который входил известный поэт-хиппи Гуру (Аркадий Славососов, 1957-2005), бывший муж не менее популярной хипповской исполнительницы авторских песен Умки (Ани Герасимовой).

Наше ДеПо было группой художников (концептуалистов, авангардистов, сюрреалистов и представителей еще более странных экспериментальных жанров) – в него входили автор, композитор, музыкант-мульти-инструменталист и кинодеятель Роман Шебалин (Арси), кинокритик Андрей Сильвестров (Амбросий, Сильвестрыч), Настя Дэфи, художники Андрей Коваль, Митя Палинов и другие. До ДеПо (или после?) мы также именовались «Движением Неопалимцев» (или реже – Неопалимистов) – по названию нашей другой базы - в красном уголке при ЖЭКе в 1-м Неопалимовском переулке.

Верхом деятельности нашей группы стало участие в выставке молодых экспериментальных художников в лектории Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С.Пушкина, после чего мы с гордостью честно рассказывали

о себе, что выставлялись «в Музее Пушкина». В книге отзывов посетители выставки писали нам, что будущее российского искусства именно за такими смелыми и неординарными личностями, как мы... Много лет спустя, когда у меня была выставка-продажа моих фотографий, напечатанных на холстах, в престижном лондонском районе Мэйфейр – воспоминания о моей выставке в Музее Пушкина вызывали глубокое уважение у посетителей-меценатов.

ИСТОРИЯ «ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ РОКА» (ПНР) [РОК-ГРУППЫ]

(Хроники музыкального графоманства)

Мучить музыкальные инструменты я начал в раннем детстве, чем приятно испугал своих родителей и, вслед за покупкой детского (игрушечного) пианино, быстро встал вопрос о покупке пианино настоящего – его, правда, купили гораздо позже, когда за клавиши села моя младшая сестра. Ее энтузиазма хватило на большее, чем моего – она за него не только села, но и окончила музыкальную школу и научилась действительно неплохо играть, хотя многие считали, что в нее это было заложено с рождения.

Я же предпочитал быть «милым ребенком» и сюсюкательно общаться с преподавателями на светские темы вместо того, чтобы разучивать гаммы. Я любил бывать у них в гостях, рассматривать патефоны и старинные диванные валики, пить чай, наконец... И засыпать, заболеть, уставать, плохо

себя чувствовать, просто лениться, когда дело доходило до домашних заданий, ну или, по крайней мере, так обо мне рассказывала моя матушка. Я видеть не мог клавиши.

За это меня наказали – всю свою жизнь так или иначе я сталкивался с необходимостью играть на них и всю свою жизнь я учился этому, уделяя самое большое – несколько часов в несколько месяцев. В результате я научился отвратительно импровизировать на органе в таком попсово-готическом стиле. На этом мое знакомство с клавишами можно было считать законченным. В течение всей жизни я также периодически хватался за флейты, скрипки, гитары и даже арфы. Не научившись толком играть ни на чем из этого, я все чаще импровизирую на губной (зубной) гармошке.

Однако, когда появилась моя первая группа, я не умел играть и на ней. Пел я тоже хреново, а просто менеджером быть не хотел, и поэтому прочил себя в солисты. Группа называлась «£OVER\$», что мы переводили как «любители», хотя скорее это было «любовники», что и являлось поводом многочисленных насмешек. Одновременно с этим, в названии видели некое мистически зашифрованное экономического заявление, тайный масонский смысл которого гласил «курс фунта – выше курса доллара», что в те годы несколько не противоречило реальности. Нас обвиняли в каббалистике и в политических провокациях, неприемлимых для учащихся приличной школы «с преподаванием ряда предметов на английском языке».

Играть практически никто в «Ловерс» не умел. Но все без исключения метили в звезды. Кроме акустических гитар со звукозаписывающими устройствами у нас тоже ничего не

было. Сходу, вживую, на кассеты мы записывали что попало, перевирая текста – Скорпионз, Аббу, Битлз... Состав команды все время менялся, записей, естественно, не сохранилось никаких – они стирались в течение недели после записи для новых хитов. Период нашей деятельности – 1984-1985 годы. Фактически, группа так и осталась на мифологическом уровне. На школьные сцены нас так и не выпустили – наше название казалось чересчур непонятным и западным, а петь на английском языке нам не разрешали. Насколько мне известно, лишь один из участников группы занялся потом более серьезным роком – сейчас он играет в одной из металлических команд.

Но в школьном туалете – на местной доске почета – среди имен таких любимых всеми групп как «Кисс», AC/DC, «Скорпионз» и «Куин» - красовалось и наше гордое имя, а по всей школе ходили «крутые» фотографии с «крутыми парнями» из «Ловерс» - в крутых прикидах, с крутыми начесами, а порою и масками наподобие «Кисс». Кроме серии этих имиджевых фотографий, группа, пожалуй, не создала ничего. Разве что еще красивый миф о таинственной группе, записей которой не мог достать никто из мальчиков-мажоров, учившихся в школе (а стоит вам сказать, что новые альбомы всех любимых групп появлялись в нашей школе, благодаря им, через несколько дней после их выхода на западе – и это-то в 1984 году!).

Так или иначе, «Ловерс» сдохли – но сдохли они «Ловерсами» - хотя неоднократно за свою недолгую историю по наущению мудрых дядей, мнивших себя «рокерами» (возрастом постарше), игравших в советских ресторанных ВИА, они меняли названия для прослушиваний – так они успели

побывать «Флэшем», «Разбитым Зеркалом» и «Лабиринтом» (более поздняя попсовая команда «Лабиринт» не имела к нам никакого отношения).

К 1985 году, независимо друг от друга, вокруг меня появились две личности, с которыми мы шизовали (читай: занимались творчеством) на протяжении нескольких последующих лет. Одного из них звали Пит, другого – Локи. И тот и другой ныне более или менее удачно занялись более серьезными делами. А тогда – мы хипповали в полный рост! Оба неплохо играли (по моим понятиям) на гитарах, флейтах и губных гармошках. Поэтому вскоре, после нескольких совместных сейшенов, появился «Террариум» (не путать с более поздним проектом БГ) – в противовес набиравшим тогда популярность «Аквариуму» и «Зоопарку». «Террариум» просуществовал в тусовочно-квартирном состоянии до 1987 года включительно. Все, что от него уцелело – хаотичные однопорожечные записи на старых заезженных катушках. Всего, примерно, на 60 минут. Точно никто никогда не подсчитывал и альбомов не сводил. Моя роль в группе ограничивалась перкуссией, губной гармошкой, звуковыми эффектами и иногда – вокалом.

Наиболее заслуживают внимания некоторые темы наших песен того периода. Именно их темы, а не сами песни! Хотя и последние, конечно, тоже могут быть послушаны и покушаны непридирчивыми тусовщиками, но никак не музыкантами. В целом, «Террариум» явил собою классический пример муз-тусовки, перманентного джем-сейшена, но еще не группы.

Наиболее интересными на мой взгляд являются следующие песни, которые, как я надеюсь втайне, никогда не станут

достоянием ушей широких народных масс: «Дети Уходящего Лета», «Мы выбрали этот путь», «Люди как Птицы», «Лажатина (Полное Собрание Шизы)», и т.п.

В 1988 году, в пору расцвета Великого Неопалимизма (арт-движения, бытовавшего в среде наших одготусовщиков, описание которого заняло бы не одну страницу!), возникло новое Творческого Объединение «Дети Подземелья» (сокращенно – «ДеПо»), позже переродившееся в Творческое Разъединение «Самъ Дуракъ» им. Карла Маркса, а еще позже окончательно развалившееся по мере того, как мы прогрессивно теряли возможность выставляться, не отвечая представлениям советских бюрократов о прекрасном... Этому также способствовало то, что, согласно дневниковым записям участников, «Коваль пил все больше пива то ли от счастья творчества, то ли от своей несчастной любви к Настеньке Дэффи» (уехавшей в 1990 году в Израиль). Настенька тоже была неопалимисткой и деписткой, но у истоков движения стояли 5 «вольных художников»: Андрей «Сильвестрыч», Андрей Коваль, Митя Палинов, Рома Шебалин («Арси») и я – некто, широко известный в узких кругах как «Билли» (он же Билли XIV, Билл-Чернушник, Магистр Мерлин, и так далее).

Кроме вышеперечисленных адептов Неопалима в движении активное участие принимали и такие незабвенные личности как Саша «Рип Ван Винкль» (уехавший в Израиль в 1990 году), Алексей Куренков («Седьмой», «Калиостро», «Бальзамо», 1972-2015), Ирина Гурова, Вилли Петерсон, Стив (Сергей Диалектов), Лори, Франсуа и многие другие.

Да! Чуть не забыл Паганеля (Алексей Фокин, уехал в Израиль), больше всех имевшего какое-либо отношение к музыке и то и дело сейшенившего на наших выставках. Ну и, разумеется, Блэки (Александр Фарбер), страстного поклонника блюза, стоявшего у истоков группы «МосБлюзТрест», о которой речь еще пойдет впереди.

В пору бурного цвета неопалимизма появился и первый сюрреалистический концептуалистический альбом группы «Дети Подземелья». Назывался он «ДЖАЗЗЗ» и фактически весь был сведен мною на обычных катушечниках, которые оба взорвались по окончании сведения альбома. С той поры катушечников у меня не было.

«ДЖАЗЗЗ» представлял собой странный наворот с накладками, записями, пущенными задом наперед, стихами, читанными хором ночью на балконе, мастурбациями с телефонной трубкой в руке, лязганьем на детском пианино, стрельбой, цитатами из телесериала о Шерлоке Холмсе, музыкой из кинофильма «Гостья из Будущего» и подозрительными дробными звуками общественного туалета, созданными посредством ускоренного воспроизведения медитативного удара по клавишам пианино и бонгам одновременно.

Самим лозунгом альбома стала символическая фраза «Чайком Балуюмся!», запущенная в ряды неопалимистов с легкой руки группы «ПОЛЗЁТ!» (Паганель + А. «Платоныч»).

Хитами альбома стали композиции «Чайком балуюмся!», «И ваще, мистер Ватсон», «Хорал» (это как раз было хоровое чтение стихов Бодлера на балконе) и многое другое – всего не упомянуть.

По первой моей прикидке, в альбом должны были войти:

1. Чайком Балуюмся
2. И ваще, Мистер Ватсон
3. Хорал
4. Пьяный Рок-н-Ролл
5. Одиночество (посвящение Дж.Джоплин)
6. Доярка Дорофеева
7. Радиостанция «П»
8. Смазанные птицы (песня в исполнении Паганеля)
9. Памяти Чапая (страшное извращение на пианино)
10. Пришествие Дьявола
11. Финал

В эту же прикидку входили «Интродукция», «Старый Уличный Фонарь» (очень злая песня!) и что-то еще, чего я уже не помню.

Во вторую прикидку, кроме вышперечисленного, входили некоторые мои дурацкие песни типа «Хрустальный Город», «Блюз Подвальных Котов» (в ответ «Секрету» на «Блюз Бродячих Собак») и другие.

В законченном оригинале все выглядит несколько иначе, а именно примерно так:

1. Интродукция / Чайком Балуюмся

2. И ваще, Мистер Ватсон
3. Пьяный Рок-н-Ролл
4. Хорал
5. Одиночество
6. Пришествие Дьявола
7. Радиостанция «Похоронюшки»
8. Час, когда застрелили меня
9. Расстреляй мою душу глазами
10. ДЖАЗЗЗ

Последние три вещи представляют собой идиотскую дописку к альбому и позже были отнесены мною к наследию моего другого проекта под названием «Запасной Выход» - все они сыграны мною на трех аккордах на пианино – вот он, долгожданный плод долгой учебы!..

Весь альбом длился не более 20 минут и я искренне надеюсь, что никто его никогда не услышит. Кроме записанного в нем, где-то на катушках хранятся забавные записи, не вошедшие в «ДЖАЗЗЗ» - песня «Доярка Дорофеева» и несколько сюрбракадабрных композиций из серии «Песни Хозяйки Медной Горы (Рам-Медитация)». И их тоже никто никогда не услышит.

Практически параллельно с «ДеПо», я осуществлял свой другой проект – большей частью сольный, хотя некоторые вещи были записаны с Седьмым и Р.В.Винклем – под названием «Выход». Да вот беда – не знал я, что взял это название не первым, а менять его уже очень не хотелось, но вскоре пришлось – так появился «Запасной Выход».

Одновременно с этим, Блэки и его друзья пригласили меня поучаствовать в их музыкальных экспериментах. Группа называлась «Ржавый Лейтенант», однако вскоре ее название

сменили на «МузТрест» - так называлось пианино, выпущенное в годы НЭПа, на котором мы играли (его очень хорошо слышно, например, в нашем варианте известного тусовке «Сидоровского Блюза»). Однако со временем название стали читать по-разному: кто «МузТрест», кто «БлюзТрест» (записывали мы только блюзы и иногда рок-н-роллы), а кто и «МосБлюзТрест». Даже сейчас, годы спустя окончательного распада этой группы, мы до сих пор спорим о настоящем оригинальном названии команды!

Архивных записей «ЗВ» и «МБТ» в среднем сохранилось на немногим более, чем 90 минут.

И «ДеПо», и «ЗВ», и «МБТ» просуществовали фактически не больше года – их основная активность попадает на 1988 год. Отдельные записи «МБТ» можно отнести к следующему, 1989 году.

А потом на какое-то время мы перестали писать что-либо вообще.

Летом 1990 года в Таллинне, по пьяной лавочке, толкаясь на квартире одного художника-авангардиста, всей тусовкой – а там был я, Седьмой, нижегородская Леди Джесси и наши таллиннские друзья, мы на одном дыхании записали все, что помнили под одну и ту же блюзовую мелодию – этакую программу нон-стоп. И были, между прочим, невероятно довольны собою! После чего опять на долгое время ушли под воду.

Потому что в молодости – год это очень долгое время. Просто невыносимо долгое.

Мы ждали так долго. Но что может быть глупее, чем ждать? Решив, что все равно уже ничего глупее быть не может, в 1991 году, непосредственно после путча, мы с Арси решили «тряхнуть стариной» неопалимизма и записать совершенно не готовясь ни к чему чисто импровизационный альбом.

Да, я совсем забыл сказать, что до этого – в конце 1989 года мы с Арси и Седьмым уже успели записать один совместный альбом. Он был сделан в стиле грязного истерического панка (в основном, акустического, если не считать электронных клавиш) и назывался «ГНУСЬ» или (второе название)

«Коммунизм Победит!». В него вошли такие композиции как «Семен Давыдов», «Я кидаюсь яйцами с балкона», «Мне партия открыла все дороги», «Гнусь», «Мальчиш-Кибальчиш» и «Батяка Махно». К сожалению, я не могу вспомнить ничего другого так как по легкомыслию, вскорости после записания альбома, Арси альбом сей просто стер, подвергнув тем самым всех нас в долгое творческое уныние.

А 24 августа 1991 года, в противовес «Депеш Моду», мы с Арси провозгласили новую группу акустического элитарного панк-фолк-поп-рока «Д.П.Жмот». Как истинный художник, Арси даже создал незабвенный образ мистического покровителя группы «Дергундя Павловича (или Петровича?) Жмота», иногда мы писали название несколько иначе: «Д.П.ЖмодтЪ».

Первый альбом «Д.П.Жмота» назывался «Полнолуние: Песни о любви и политике на стихи советских и антисоветских композиторов».

Сторона А: ПЕСНИ О ЛЮБВИ:
Прелюдия в Тумане. Я пью за Мэри.
Мэгги. Песня о Злой Жене (трэш).
Песня о Старом Муже. Аннетта
(эротика). К К. Свистни Мне.
Реприза (К К).

Сторона В: ПЕСНИ О ПОЛИТИКЕ:
Новый год встречает Сталин.
Володя Ульянов. Я – Коммунист.
Отравитель. Господин Искарриотов.
Из Омара Хайяма (узбек-рок).
Батька Махно. Интерлюдия. Дед
Василий.

Я даже не помню сейчас из каких книг мы брали тогда тексты. Все, что помню, это то, что кроме наших собственных, там были стихи Бернса, французских романтиков, Омара Хайяма, молодого поэтического дарования 60-х Ольги Черенковой и каких-то поэтов-революционеров 20-х годов.

Запись очень плохая (45 минут), порою не слышно слов текста, порою саунд идет только по одному каналу. Но от души. Дергундий порадовался бы за нас. Да и Неопалим тоже.

«Д.П.Жмот» был придуман только на один альбом, но нам понравилось и буквально через неделю последовала запись второго альбома под рабочим названием «Лунные Барсики» - его происхождение я до сих пор не могу объяснить, просто надо было дать какое-то новое название альбому. Однако Арсик очень не любил слова «барсик» и нового названия так и не признал.

Поэтому второй альбом «Д.П.Жмота» был записан 31 августа 1991 года под названием «Сад Любви: Игоб Иом Игоб Кха!». «Сад Любви» звучало неоднозначно, учитывая то, что Арси в это время крайне увлекался писаниной Маркиза де Сада и был известен своими бесконечными драмами с недолговечными сестренками Оленьками и Алисами.... Странный и страшный мистический девиз, следующий за названием, мог быть открыт лишь глубоко посвященным. Степень готовности и посвящения определялась с помощью специального мистического объекта, а именно – скелета зонтика.

Сейчас поясню, как и что это значит. У меня дома есть скелет зонтика – т.е. зонтик, но совсем вообще без ткани на нем. На одну из его спиц был нанизан старый дверной ключ.

Проверяемому предлагалось открыть зонтик. Как правило, большинство открывало его как и любой другой обычный зонтик, и, конечно же, ключ падал на пол (хорошо, если его вообще успевали заметить на зонтике). И вот в этом-то и состояла главная ошибка профанов! Ибо посвященный сперва бы нашел ключ, подумал, а затем ключем попытался бы открыть зонтик.

Во втором альбоме использовались стихи Бернса, Блэйка, Гессе, Бальмонта и наши собственные. Вот, что в него вошло:

Сад Любви (Блэйк). К Ней (по Бернсу). Предоставь меня печали (Блэйк). Падшие Ангелы. В смазанном мире (панк-рок). В стране людей. Сестренки (почти по Бернсу). Втайне (Гессе). Любовь Моя. Бессмертные (Гессе). Бог и Дьявол (Бальмонт). Дьявол Украл Меня (почти по Ю.Наумову). Инферналия (или то, что было услышано нами в Аду).

Весь альбом уже пахивал акустическим меланхолическим эстетством, а отнюдь не панком в какой-либо форме. Инферналия была дописана ко всему альбому, она была записана еще в 1988 году, когда «ЗВ» предполагал записать целый фортепианный альбом «Число Зверя», но перед самым началом записи взорвались оба катушечника. Станным образом, качество альбома «Сад Любви» (чуть более 45

минут) оказалось еще более гадким, чем у предыдущего альбома.

(Последние страницы этого документа утрачены. После «Д.П.Жмота» были другие многочисленные псевдомузыкальные, авангардные и уже почти музыкальные проекты, не описанные выше: «Колючая Жопа», «Огни Св. Эльма», «Inside Suicide», и, собственно, один из наиболее удачных в музыкальном плане – «Последняя Надежда Рока» (ПНР), от которого даже остались 1,5-2 кассетных альбома).

2. Проза

1988-1989

СКАЗКА №67

Жил да был. Просто жил и просто был. Никому не мешал. Маленький мальчик. Читал книжки, играл игрушками. Любил сказки. Мечтал.

Когда он подрос, ему сказали, что теперь он – БОЛЬШОЙ, теперь он – ДОЛЖЕН... А дальше сказали много-много всего того, что он должен. Почему? – удивился мальчик – Почему ДОЛЖЕН? Кому ДОЛЖЕН? За что? За то, что я «теперь Большой»? Но разве я в этом виноват? Я вырос, да и родился, не по своей воле. Почему же я теперь за это столько всего ДОЛЖЕН?

Не понравилось это мальчику. Не хочу быть большим, сказал он. И вспомнил сказку, которую в детстве читал. Называлась она «Питер Пэн», написал ее Джеймс Барри, сказка эта была про маленького мальчика, который не хотел быть большим и слушаться взрослых. И он убежал. Убежал в Страну Никакую. Там было весело и тепло. Никто ничего не приказывал. Никто ничего никому не был ДОЛЖЕН.

Значит можно прожить и без этого, подумал мальчик и пошел искать Страну Никакую. Вышел он на улицу, пошел через сквер, а там – целая толпа питэров пэнов. Музыку слушают, песни поют, веселятся... И не пошел мальчик дальше. Вот она – Страна Никакая, подумал он.

Веселились они год, веселились два, а потом смотрят – ищут их взрослые, серьезные люди, да еще на помощь Серых Людей позвали, а с этими – шутки плохи. Подумали мальчики, подумали и... убежали. Убежали из сквера, убежали из города,

стали ездить по городам и весям – а их много, на всю жизнь хватит.

Ездили они, ездили, но в одном городе поймали нашего мальчика Серые Люди.

«Ты, говорят, ДОЛЖЕН в армии служить, это твой почетный долг!»

«А что я там буду делать?» - спросил мальчик.

«Будешь учиться людей убивать!»

«А за что?»

«А это уже не твоя забота!»

«Не хочууу!!!»

«ДОЛЖЕН!!!»

А тут мимо старичок проходил, бормотал себе под нос что-то, гримасничал. Мальчик на него посмотрел и тоже стал.

«Ты что – больной, что ли?»

«Да» - говорит мальчик.

«Ну это мы еще проверим».

И не взяли мальчика в армию. А положили в больницу. А там много было старичков, как мальчик встретил, и много... мальчиков из Страны Никакой...

Вышел мальчик оттуда усталым. Постарел. Пошел в сквер посидеть. Газетку почитать. Присел. А тут смотрит – еще мальчики идут. Тоже постаревшие, усталые. Да и девочки с

ними уже не те. Много они городов объездили, а теперь вот в сквер отдохнуть пришли.

Собрались они все вместе, вроде снова весело стало, горести, печали, обиды забылись...

Но пришли тут Серые Люди. Вы, говорят, работать ДОЛЖНЫ на благо Родины своей Великой, которую любить ДОЛЖНЫ безмерно и безумно! Это ваш почетный ДОЛГ!

«А разве можно быть ДОЛЖНЫМ любить? Да и за что, за что нам ее любить-то?» - удивились мальчики, - «Любила ли она нас?»

«А вот это уже не ваше дело!» - сказали Серые Люди и ушли.

Поскучнели мальчики. Посидели, подумали, собрались и тоже ушли. Ушли. Просто ушли. Может быть в Индию, может в Катманду, может на остров какой или в Среднюю Азию. Но мне кажется, что ушли они в Страну Никакую, где никто никому ничего не приказывает и не бывает ДОЛЖЕН, где всегда весело и тепло.

1988

**МОСКВА —
КАТМАНДУ**

Открыта международная линия Аэрофлота между столицами СССР и Непала.

Путь от русских равнин до снежных вершин Гималаев с одной промежуточной посадкой в Дубае (ОАЭ) займет у Вас менее 11 часов. Авиалайнер Аэрофлота Ту-154 вылетает из Москвы по пятницам, из Катманду — по субботам.

Подробную информацию Вы можете получить в ближайшем представительстве Аэрофлота или в Центральном международном агентстве Аэрофлота в Москве по адресу: СССР, 125212, Москва, Ленинградское шоссе, 29. Телефон: 2450002. Телекс: 411922.

Путешествуйте с Аэрофлотом, если хотите увидеть мир!

АЭРОФЛОТ
Soviet Airlines

КРЫСОЛОВ (СМЕРТЬ)

Мелкий дождик. Тьфу, черт, как в Лондоне! В такой день вписки не найдешь – на тусовку никто не вылезет. Все сидят по теплым флэтам – пряники жуют! Тоже мне, хиппи называются.

На вокзале сегодня уже тоже не переночуешь. Два дня назад я ночевал в привокзальном отделении милиции и торжественно обещал старшине Сотникову уехать на следующий же день в Москву. Слава Богу, с ксивой все было в порядке!..

Позавчера я ночевал в отцепленном вагоне, но там – холодно. Вчера – в «комнате матери и ребенка», но там – тесно и душно и милиция - рядом.

«Посмотри на дядю, Сереженька, дядя спит, он устал... Нет, это не тетя, это просто у дяди волосики длинные выросли».

«О, Господи! Куда же ты пришло, страшилище, детей малых патлами своими пугать?!».

Бррр! Вода за воротник с деревьев стекает скорбными, ледящими душу струйками. Вот так бы кофем поливали, а то – дождь... Бррр! И – никого! Холод собачий! Еще и ветер...

Девушка... Хрен ее знает, вроде системная – вся в джинсе, на шее вон амулетики какие-то, на джинсах – цветучеики вышиты... Кто же тебя, милая, в такой холод на улицу выгнал? А ей вроде и не холодно – идет, будто летом гуляет. А вот зато волосы у нее – кайф, да и с фэйса вроде – симпатичная... Господи, а глаза-то какие – суцая Горгона, взглянешь – не встанешь! Бррр! Ха, что это она ко мне идет?..

- Сидишь?

- Тусуюсь...

- Вот чудной! Ты что – тоже любишь дождь?

Вот ведь издевается, Горгона! Человек тут концы отдает, а она...

- Да вот, кайф ловлю, неужели не видно? Зависаю тут от дождичка летнего. Только вот что-то на тусовку никто не выполз. Одному – скучно...

- Это верно – скучно... но се ля ви!..

- Слушай, мать, а может ты знаешь, где здесь можно под крышей поскучать? А то знаешь тут как-то...

- А ты думаешь, что где-то веселее? Сегодня везде скучно – что под крышей, что под дождем...

- Ну вот под дождем я уже тут поскучал, теперь можно бы и под крышей...

(«Хрен ли ты сюда приперлась нервы мне дергать?! Вписки нет – так отваливай...»)

- Ха! Да я смотрю ты совсем тут замедитировал на морозе! Щас как тибетский монах в мумию превратишься! А может тебе вписаться некуда?

(«Ну наконец дошло!!!»)

- Да не то, чтобы совсем некуда. Но знаешь флэт тут один накрылся. Хозяин – в наркушке, а я вот – на морозе...

- Ну уж прямо и мороз! Еще сентябрь – можно сказать, лето не кончилось. Ну уж ладно – пошли...

Я с трудом оторвал от лавочки примерзший к ней зад и неспеша двинулся за ней. Наконец-то Господь услышал мою молитву – послал мне разом и вписку и герлу. Теперь-то я ночью не замерзну.

Старый, уютный, обжитой дом. Высокие двери, тяжелые медные ручки, высокие потолки, теплый воздух, запах кошек.

Квартира номер 66. Я вхожу в прихожую как-то странно, будто переступая через какой-то барьер, через какую-то стену из воздуха. Клево! Уютная прихожая, мягкий приглушенный свет, спокойные обои, зеркало – высокое, старое, в тяжелой раме, много икон – тоже одна старше другой, некоторые уже совсем черные, а некоторые на редкость яркие – то ли так хорошо сохранились, то ли недавно отреставрированы.

- Тебя звать-то как? – наконец спрашивает она, снимая легкую куртку, под ней – длинный серый свитер, свободно спадающий на джинсы. Вся она как-то похожа на деревце – волосы плавно переходят в свитер, свитер спадает на джинсы, расклешенные штанины растекаются по мягкому светло-зеленому ковру.

- Меня? – переспрашиваю я. Хмм, на что ей мое имя? – Кто зовет Крысоловом, а кто – Никитой.

- Крысолов? Интересно, интересно... ты и впрямь ловишь крыс?

(«Нет, она просто явно какая-то двинутая!»).

- Нет, конечно, крыс я люблю... это из-за сказки такой – «Гамельнский Крысолов». Я просто так же, как он, на флейте когда-то играл неплохо раньше...

- А ну-ка, сыграй, - неведомо откуда в руке ее возникает флейта, она протягивает свою мертвенно-бледную руку ко мне. Я беру флейту, сажусь прямо на пол в прихожей и начинаю что-то играть.

Она складывает руки на груди, опускает голову, прерывает меня на полузвуче.

- Нет, это очень очень грустно, - и уходит на кухню.

Я кладу флейту на столик перед зеркалом, вновь оглядываю прихожую. Взгляд мой снова приковывают иконы.

- Ты – христианка?

- Что? – не расслышав или не понимая, переспрашивает она и появляется в коридоре с открытым пакетом молока.

- Да нет, я просто вот увидел их, и подумал, что может быть ты и на самом деле, всерьез...

- Это ? – улыбается она, глядя в сторону икон, - Да нет, это просто папа... – и вновь скрывается на кухне.

Я пожимаю плечами.

- Они, наверное, совсем старые? Ведь только раньше так и умели, – продолжаю я, - Какого они века?

- Хочешь я скажу тебе сразу обо всем, чтобы ты больше не задавал мне глупых вопросов? – она появляется вновь в глубине коридора и зловеще сверкает оттуда столовым

ножом. – Эта квартира и все, что здесь есть, кроме нас, разумеется, появилось на свет не далее, как два часа назад. Ну или около того... Только обещай мне, что не будешь больше задавать глупых вопросов, - умоляюще просит она, скрываясь в глубине квартиры.

Самые обычные, между прочим, вопросы, никакие они не глупые. Тоже мне Горгона – строит из себя неведомо что. А может она и вправду рехнулась? А в общем – хрен с ней, главное – есть над головой крыша, с кухни, вон, хавкой пахнет, да и герла, если с нею особо много не трепаться, то тоже вполне ничего себе так. Кстати, что это за папа? Он реставрирует иконы или собирает всякий антиквариат? А если он сегодня придет с работы и застанет здесь свою дочь с каким-то бездомным ублюдком, то это будет похуже старшины Сотникова.

- А ты здесь живешь одна? Или... с папой?

- Знаешь, что сказал однажды Будда? – вопросы задают от глупости, поэтому все вопросы – глупые! Папа – на даче, когда придет, то сначала предупредит по телефону. Такой вариант тебя устраивает? Так что давай без лишнего стрема...

(«А что это она мне предлагает давать? Я вроде еще ничего не предлагал... Ну герлааа... вот это крутяк, а не герла!»).

- Слушай, ты обо мне уже кое-что да знаешь, а я даже имени твоего до сих пор не спросил.

- Много будешь знать – скоро состаришься, хотя тебе, впрочем, это уже не грозит... Если тебе так хочется – зови меня Матильдой... О возрасте у женщин спрашивать не принято – но мне скрывать от тебя нечего – моя жизнь это

миг и вечность! Иди есть яичницу, только шузняк там сними, а то наследишь.

Только тут я замечаю, что не снял обуви и весь светло-зеленый ковер залит серой уличной грязью. Я аккуратно ставлю снятые кроссовки в углу прихожей, думаю, чем бы вытереть грязь.

Тихо скрипнула приоткрытая дверь, из одной из комнат появляется огромный мохнатый кот, черный как уголь, только глаза – ярко-желтые, как у тигра.

Он с удивлением и неудовольствием смотрит на лужу на полу, потом с укором на меня, и где-то внутри моей головы раздается мягкий обиженный голос: «Аккуратнее бы надо, молодой человек... Эх, выыы...».

Потом происходит нечто необычное – кот становится в самый центр грязной лужи и смачно шлепается брюхом прямо на нее, закрыв ее всю собою. На мгновение он распушает свою шикарную шерсть, потом поднимается и молча исчезает в ванной. Лужи на полу уже нет, а из ванной комнаты слышится шум душа. Мои глаза выкатываются на лоб, но в этот момент появляется Матильда и, схватив меня за руку, уволакивает на кухню.

Мы едим прекрасно приготовленную яичницу, пьем отменный черный кофе. Нигде еще я не пил такого кофе как здесь! Потом Матильда говорит: «Давай погадаем на кофейной гуще».

Мы придвигаемся поближе друг к другу и она опрокидывает чашечку на блюдце, потом переворачивает и снова...

- Смотри, - говорит Матильда, - Ты видишь этот знак, похожий на свастику? Это - Солнце – это твой Дом... А это – и она указывает на свою чашечку, - Это – месяц, видишь, какие у него острые края? За них можно зацепиться и порвать себе штаны! – мы вдруг заходимся звонким жизнерадостным смехом.

- Смотри-смотри, - продолжает Матильда, показывая на свои ноги – Я однажды уже пролетала так неосторожно мимо Луны и видишь, что произошло? – одна штанина у нее действительно разрезана ровно, будто лезвием, из прорехи заманчиво выглядывает нежная девичья кожа.

- Ну будет, будет, - укрывает скатертью свою ногу Матильда, и мы вновь возвращаемся к нашим чашечкам.

- Это – Луна, это – мой Дом, обычно я живу здесь, - в этот момент она больше всего похожа на маленькую девочку, увлеченную выдуманной ею игрой, - красивую, наивную, волшебную.

- Здесь живет и моя бабушка, ее называют Моной Лизой, хотя настоящее ее имя совсем другое, когда-то дедушка нарисовал ее так красиво, что звезды обиделись и хотели заставить ее жить на Земле. Ты знаешь ее портрет – его до сих пор печатают в журналах с картинками. А она мне рассказывала сказки – каждую ночь, когда всходила Земля. А чаще всего – сказку о скрипаче и русалке. Признайся, ты ведь знаешь эту сказку?

Я отрицательно мотаю головой и пытаюсь разлепить слипающиеся веки. Странно, такой хороший кофе, а я уже совсем засыпаю... Хотя у меня так иногда бывает.

На улице уже совсем стемнело. Ни одного фонаря, только яркая-яркая Луна светит в окно, и все становится таким мертвенно-бледным, призрачно-голубым, как глаза утопленниц, утонувших за день до свадьбы...

Матильда продолжает переворачивать наши чашечки и бормотать себе под нос какие-то нереальные потусторонние слова...

- А вот это видишь? Это крест, его несут на гору... потому что с горы легче взлететь. Здесь начинается путь в Вечность, но только знающий этот путь может взойти по нему и осилить его. Это – начало Великого Полета... Ты тоже скоро научишься летать – смотри, видишь – в твоей чашечке человек с крыльями? Ведь это – ты, ты совсем скоро научишься летать...

Я смотрю в чашечку и то ли ото сна, то ли еще от чего, но действительно вижу широкую светлую дорогу, поднимающуюся по раскаленному сухому песчаному пустырю в гору, вверх... вот она минует высокую голую гору... и уходит вверх – в самое небо... с ума сойти! Дух захватывает от одного такого отражения в чашечке, а если бы это было наяву – то и вовсе... А вот комочек кофейной гущи, который по своим очертаниям и впрямь напоминает ангела – голова, руки – то ли с крестом, то ли с мечем, тут не разобрать... и высокие свободные крылья... чистые перья света... это – тень ангела... мне кажется, что он оборачивает свою голову и я узнаю в нем свои черты, но в этот момент иллюзию разрушает снова вторгшийся голос Матильды...

- Когда ты научишься летать, мыждемся полнолуния и полетим к моей бабушке и она обязательно расскажет тебе сказку о скрипаче и русалке, - обещает Матильда и

неожиданно прерывает эту смесь действительности и сказочного красочного сна – ставит чашечки под сильную струю холодной воды в мойке. Поток воды безжалостно смывает людей, несущих кресты на Голгоф, смывает тень ангела и широкую светлую дорогу...

- Ты заметил, какая сегодня чудесная Луна! – говорит не оборачиваясь Матильда и ставит чашечки на миниатюрную резную полочку над раковиной, потом вытирает руки и уходит куда-то вглубь квартиры. Я молчу, смотрю в окно на Луну, пребываю в задумчивости и полусне.

Из коридора появляется все тот же черный котик и, не долго думая, деловито направляется к холодильнику, отодвигает лапой неплотно прикрытую его дверцу, другой лапой стаскивает на пол открытую банку шпротного паштета и с наслаждением принимается за трапезу.

- Эй, ты! Как там тебя? Крысолов! Ну иди же сюда! – кричит Матильда из глубины квартиры. Кот недвольно оборачивается на ее крик, качает мохнатой головой, будто бы выражая неодобрение, и возвращается к прерванному ужину.

Я наугад двигаюсь во тьму коридора. Вырываясь из дверной щели, светлый узкий луч прорезает тьму и указывает мне дорогу к Матильде. Я смело шагаю в комнату и тут же встаю, оторопев и не смея больше ступить ни шагу. Вся комната – то есть и пол, и ее стены – выложена из зеркал, старинных венецианских зеркал, с каким-то туманным голубоватым отблеском, который присущ только им и ничему больше. С неожиданно высокого потолка свисает огромная золотая люстра, увешанная немыслимым числом хрустальных подвесок – кажется, что весь мир отражается, преломляется,

искажается в многочисленных гранях сотен и сотен подвесок. Кажется, что весь потолок занимает только эта люстра, затмевает и закрывает собой. Свет ее, отражаемый десятками зеркал, ослепляет сперва каждого входящего в комнату. Вдоль стен – прямо на полу – стоят цветочные горшки, также обильно украшенные позолотой. Бурная зеленая растительность, поднимающаяся из них и преумноженная многократными отражениями зеркал, представляется лесом, садом без конца и края... Райскими кущами...

Тут я замечаю еще одну дверь, зеркальную дверь в соседнюю комнату. Из нее выходит Матильда и, поймав мой изумленный взгляд, улыбается.

- Как тебе? Эта люстра из родового дворца Марии-Антуанетты...

Я молча прохожу за ней в соседнюю комнату, которая, в отличие от предыдущей, более похожа на современную квартиру, пусть даже и в очень старом доме.

- Как тебе мой маленький садик? – продолжает Матильда, - Вечерами он еще не так прекрасен, как по утрам, когда восходит Солнце. Тогда там просыпаются семейства эльфов и весело кружат над зелеными листьями. А когда я поливаю их – эльфы исполняют Танец Благодарности Дождю – они же не могут знать, что это не дождь... Их глаза так устроены, что они попросту не замечают таких огромных существ, как люди. Хотя, впрочем, люди тоже не замечают эльфов. Это так странно и грустно...

Я почувствовал, что крыша моя начала постепенно съезжать куда-то вбок от всей этой нескончаемой трескотни маленькой

сумасшедшей девчонки. Но, слава Богу, в этот момент мы наконец очутились в спальне ее необъятной квартиры.

Внезапно по всей квартире погас свет. Матильда перестала лепетать об эльфах и теперь ворчала что-то насчет ненадежности проводки. Она зажгла высокую тонкую свечу. Мы поставили ее на столик в изголовьи кровати и стали разбирать постель.

Пока Матильда куда-то выходила, я быстро скинул верхний забрызганный грязью трасс прикид и юркнул под нежное прохладное одеяло. Казалось, что постельное белье было специально выстирано и отглажено и что никто здесь до меня еще не спал.

Подул какой-то странный, неведомо откуда взявшийся, ветерок, дверь заскрипела и сквозняком задуло свечу. В тот же миг где-то далеко на кухне мяукающе зевнул кот, а старые часы мерно стали отсчитывать двенадцать. Я вылез из-под одеяла и, нащупав рукой на столике спички, снова зажег свечу и... отпрянул назад от ужаса: прямо мне в лицо жадно смотрели голодные глаза огромной крысы. Крыса замерла в раздумьи, пожевала ртом, обнажая коричневые резцы, и, не сводя с меня глаз, стала медленно приближаться к кровати. Я схватил первое, что мне попало под руку – это оказалась свеча – и с силою швырнул ею в искаженную ужасом морду. Раздался обиженный писк и снова потянуло холодом из-за двери. Где-то громко ухнула тяжелая дверь. В коридоре слышались шаги и, мерцая нереальным светом еще одной свечки, появилась Матильда.

- Эх, ты! Крысолов! Крыс он любит, называется! – вздохнула она, - Ты чуть не выжег ей глаза! А она больше всего на свете любит музыку...

Матильда молча поставила свечу на столик, залезла под одеяло и одним дыханием погасила свет.

Я – сперва робко, но потом все увереннее и крепче обнял ее и прижал к себе. Вместе было теплее. Мне почему-то казалось, что она должна быть ужасно холодной, такой же, как Луна и зеркала, но она, напротив – пылала адским пламенем, словно у нее был жар – все ее тело горело огнем – любви ли, ненависти – мне не было известно и, если честно, было все равно.

- Я хочу тебя... – прошептал я в густую копну волос, где по моим предположениям должно было прятаться ее ухо.

Матильда резко обернулась ко мне. Ни тени ласки, ни тени улыбки не было на ее лице. Вот где был по-настоящему ее холод.

- Подумай, нужно ли тебе это? Ведь ты не знаешь, не можешь знать, чего именно ты сейчас хочешь... – странно, строго и расчетливо проговорила она, словно мы обсуждали что-то обыденное – например, стирать ли джинсовую куртку...

- Да! Я хочу тебя! – уже более громко и настойчиво произнес я.

- Но, если ты не сумеешь перетерпеть эту ночь, может случиться непоправимое, - глаза ее, глаза античной Горгоны отталкивающе светились во тьме, одновременно пугая и очаровывая, маня в бездну...

- Я хочу тебя! Я хочу тебя, Матильда! – в третий раз уже почти закричал я во весь голос, не в силах больше сдерживать обуревавшую меня страсть, ощущая ее тепло и близость, жадно лаская своими руками ее гибкое тело.

- Ну что же... Ты сам хотел этого... – так же холодно отвечала она, - Но тебе предстоит отдать за эту ночь все, что у тебя было прежде и все, что могло бы быть в будущем...

Я оборвал ее сумасбродную речь.

- Да! Да, я так хочу тебя, что готов отдать за это все, что имею! Ничего мне не жаль за эту ночь, да и терять мне в этой жизни нечего! Что с меня можно взять?!

- Жалкий глупец... – бормотала Матильда, уступая моим ласкам, становясь мягкой и податливой как воск свечи в моих возбужденных руках.

- Ведь это будет твоя ПОСЛЕДНЯЯ ночь... Если бы ты только знал, с КЕМ ты...

Мы свились в тугой узел, как змеи, тела наши переплелись так, что казалось никому уже никогда не распутать их, не отделить друг от друга. Жаркое дыхание переносило нас в Райские кущи, мы сладостно вдыхали воздух самого Эдема... «Вот он – кайф, кайф, вечный кайф!» – билось в моей голове. И вдруг, в один миг, так внезапно – я почувствовал, что начинаю уменьшаться в размерах. Я начал расти наобот... В соседней комнате надрывался телефон, но встать у нас не было ни сил, ни желания.

- Матильда... – испуганно зашептал я – Что со мной происходит? Я уменьшаюсь!

- Ты сам этого хотел, - по-прежнему холодно чеканя слова, отвечала она с безразличием.

Я скатывался все больше в панику... я чувствовал, как сужаются мои вены и сосуды, сокращаются и усыхают мышцы и сухожилия, как складываются, вращая одна в другую, мои кости...

- Матильда... – беспомощно бормотал я – Матильда... Помогите мне...

Она отвернулась и смотрела прочь.

Сократившись до невероятно малых размеров, я почувствовал, как неведомая сила, подобная разве что силе магнита, начинает меня втягивать в нее, в Матильду, как влагу в губку... Я ощущал, как воздух вокруг меня быстро нагревался от постоянно нарастающей скорости, с которой я все сильнее и сильнее входил в тело Матильды, уходя в нее внутрь, исчезая и растворяясь в ней...

- Матильда... – в последний раз успел прошептать я прежде, чем рот мой окончательно потерял свою прежнюю форму.

Из прихожей слышался шум.

- Вот и папа пришел... – испуганно пролепетала Матильда.

Дверь в комнату распахнулась и перед моими срастающимися глазами успели сверкнуть два черных зигзага с красным отливом.

«Что это?» - мелькнуло у меня в мозгу и, словно бы уловив мою последнюю мысль, Матильда шепнула: «Грядет Век Водолея, его символ осенил нас».

В дверях стоял высокий длинноволосый человек в черной шляпе и длинном плаще.

- Папа... – одними губами произнесла Матильда как нашкодивший ребенок.

Человек так и остался стоять на пороге и только молча качал головой.

- Я все знаю. Он сам этого хотел. – услышал я его голос, чистый и грустный, - Ты уходишь теперь навсегда, Крысолов, ты уходишь домой. Прощай, не ошибись, выходя на дорогу. И помни – твой дом – Солнце...

..Огненный клубок энергии окончательно вжался в тело Матильды, и она издала странный звук, как будто ее сильно ударили в живот – нечто между криком и тяжелым выдохом.

- Мы тоже должны собираться, - сказал ей мужчина в дверях.

- Сейчас... я уже сейчас, папа... – бормотала смущенная Матильда, путаясь в ночном белье, наспех одевая длинную белую рубаху поверх него. Это был ее дорожный костюм – в таких проще передвигаться по великому и бескрайнему Космосу, родине скитальцев.

«Папа» подошел к столику в изголовьи кровати и включил лежавший на нем магнитофон. Здесь были записаны мысли Крысолова, последние его мысли этого дня...

«Наконец-то Господь услышал мою молитву – послал мне разом и вписку и герлу. Теперь-то я ночью не замерзну... главное – есть над головой крыша, с кухни, вон, хавкой

пахнет, да и герла, если с нею особо много не трепаться, то тоже вполне ничего себе так... я так хочу тебя, что готов отдать за это все, что имею! Ничего мне не жаль за эту ночь, да и терять мне в этой жизни нечего!»

- Он сам хотел всего этого, - вздохнув, повторил «Папа», - Ты готова?

Матильда молча кивнула. Она стояла перед ним в свободной белой рубашке и держала в руках странный сверкающий лунным светом предмет, больше всего напоминавший новую косу...

По темным пропастям на месте ее глаз могло показаться, что она была чем-то опечалена...

Они взялись за руки – и вышли в зеркальную залу. «Папа» осторожно распахнул окно – в комнату ворвался ветер, потревоженные им эльфы стали покидать свои жилища и стайками уноситься прочь, в слепую сентябрьскую ночь...

«Папа» помог Матильде подняться на высокий, покрывшийся инеем, подоконник, затем сам тоже встал на него, они обратили свои лица к ночному небу и заглянули прямо в лицо самой Луне. Луна осветила их помолодевшие лица голубоватым светом и позвала домой... Резким лучем, струей света сорвались они с места и разом перечеркнули черный лист сентябрьского неба. Они возвращались домой и ничто не могло их остановить...

В доли секунды, уже где-то на полпути к Луне, от этого потока отделился сверкающий золотом шар – некоторые на земле принимали его за новую звезду или просто метеор, но

это был я – Никита Крысолов... Я был снова на трассе... но на другой трассе... и я тоже возвращался домой...

Остается лишь добавить, что на следующее утро пожарной командой был затушен пожар в одном из давно выселенных домов в центре города. Причины пожара установить не удалось. Одному из пожарных показалось, что в одной из комнат он видел тела юноши и девушки, но в этот момент в нее упала горящая балка. При дальнейших поисках тела так и не обнаружили.

1988

ЭВЕЛИН

«Нет на свете ничего,
что любви важнее»

(Т.Голас)

+

Автор извиняется за некоторую сумбурность и противоречивость произведения сего и возлагает за то всю ответственность на героев оною, ибо не было и дня, чтобы не мешали они писать его, не капризничали, сумасбродили, перечили, меняли сюжет, а будучи наделенными сверхъестественными силами, выкидывали еще и какие-нибудь чудеса.....

+

Блаженной памяти и ныне здравствующего Арси
посвящается

“...Закат обаграл лучами своими древние стены храма, покрывшиеся зеленым мхом и мелкими раковинами морских моллюсков, принесенными ветром с побережья. Ветер дул здесь всегда. И дул сильно. Об этом говорили следы его на этих стенах, выветренных, изъеденных ветром, песком и солёными брызгами моря, стенах храма. Небо покрылось густыми черными тучами, все более и более сблизившимися, стягивавшимися друг к другу и закрывавшими последние просветы вечернего неба, когда вышел он из-под арки храма и остался молча стоять на ступенях его, словно бы в

ожидании чего-то. Не прошло и пяти минут, как небо стало совершенно тёмным и напоминало теперь каменный пол храма или отражение его в мутном вечернем небе. Он поднял правую руку вверх и, начертав в воздухе странный знак, поднял теперь уже обе руки и протянул их навстречу небу, вопрошая: "Слышишь ли ты меня?". В это мгновение разорвался темный холст неба и пламя осветило храм. Закрыв лицо руками, упал он на пыльные ступени и волосы его слились с седым песком. "Слышу..." - отвечало небо громом, от звука которого раскололись и упали на землю несколько колонн и статуй черного храма Э..."

А . Б .

...Так вот, и
стряслась со мною такая беда. Трабл этакий, как сказала бы Лори. Подхожу я к Пентагону, а там - Она. Я, как увидел ее, - так в голове сразу битлы запели. Из "Сержанта Пеппера" - "С помощью моих друзей". Там еще слова такие есть: "Веришь ли ты в любовь с первого взгляда? - Да, конечно, это происходит каждый день!". А день этот дождливый был и поэтому, когда глаза наши встретились, и небо сверкнуло молнией и гром грянул, решил я: это - Она, Карма Моя...

Подошел я к ней, поговорили немного, потом мы все шумной компанией навестили в больнице Кэт и разъехались по домам. А утром следующего дня.....

...Утром следующего дня позвонил я ей домой.

- Здравствуй! Как славно, что ты позвонил! Я, как раз о тебе сейчас думала... — радостно сказала она.

- Слушай, а давай встретимся, мне очень нужно с тобой поговорить...

- Когда ?

- Да хоть сегодня...

- Сегодня ?.. Ну, хорошо, давай!..

Потом был вечер. Часов в семь она приехала ко мне...

Долго рассматривала расписанные стены, картины, фотографии, всему удивлялась, радовалась... После мы пили чай, слушали какую-то музыку... А потом она мне сказала: "Знаешь что, а поехали-ка ко мне, а ?" И мы поехали.

Мы вышли на "Киевской", перед входом в которую в эти часы паслись толпы урлы и, пройдя переулками, очутились на Кутузовском. Здесь она и жила.

Потом была ночь. Ночь вдвоем. Как больше кошки, мы прижались друг к другу и я гладил и ласкал ее, почти обнаженную, обнявшую меня, слившуюся со мной, забывшую, как и я, обо всем, кроме нас двоих.

"Я люблю тебя! - шептал я ей в ухо, закрытое густыми прядями длинных шелковых волос. - Я не смогу жить без тебя! Ты - моя карма! Я так долго искал тебя... Было так трудно!.. Я столько ошибался... А теперь... наконец-то... наконец-то, я нашел тебя, милая, славная моя! Чудная моя!.."

...А потом... потом она рассказала о Нем... О С. ... И сказала, что вряд ли мы сможем всегда быть вместе..... ЭТО было страшно.... ЭТО было больно

«Ты любишь меня?» - спросил я - "Тебе хорошо со мной?"

"Хорошо, - отвечала она, - и я очень сильно тебя люблю... но... но без него я уже вряд ли смогу..."

Потом было много слез... Моих слез... Ее слез... Море слез... Они лились много дней и ночей подряд... И это, и ЭТО тоже было страшно... и больно...

...После этого, помню, в семь часов утра сидел я один на свободной лавочке по-утреннему пустынного Гоголевского бульвара, когда подошел ко мне странно одетый человек, на которого поначалу не обратил я никакого внимания. Одет он был в черный кожаный плащ с красно-голубой подкладкой,

видно которую было лишь тогда, когда ветер раздувал полы его непривычно длинного плаща, едва ли не волочившегося по земле за своим хозяином. Обувь его напоминала какие-то, виденные много в музее доисторические сандалии, обутое прямо на босу ногу. Голову этого престранного типа укрывал не по размеру сшитый капюшон, скрывавший от меня практически все лицо незнакомца, кроме, пожалуй, рта и подбородка его, покрытого густой щетиной. Был он неестественно бледен и худощав, отчего плащ болтался на нем, как на вешалке.

Человек этот сел на одну со мной лавочку и долго выжидающе, с каким-то внутренним напряжением и сочувствием смотрел на меня так, словно бы мы только что говорили с ним и я лишь не закончил своей фразы, Я сидел и вполголоса чертыхался, что с особым вниманием слушал пришелец, потом пододвинулся ко мне и сухим безразличным голосом произнес:

- Вы не того ищете, кто Вам в действительности нужен...

- Да не ищущу я никого, черт тебя побери! Чего привязался-то! Я тебя трогал ? Нет. Вот и иди своей дорогой...

Человек как-то очень грустно посмотрел на меня (я до сих пор помню этот глубокий, пронизывающий насквозь взгляд) и молвил:

- Поможет тебе тот лишь, кто Христа распял...

Видя, что я больше не реагирую на слова его, медленно поднялся он и растворился в туманной глубине зеленого бульвара, так и не пояснив мне слов своих...

...больше Я с НИМ никогда не встречался...

Однако, слова его глубоко запали мне в память, оттого, что странно мне было слышать такое. Сперва подумал я, что был это просто-напросто сумасшедший, но чем больше я пытался в том себя убедить, тем громче внутренний голос мой убеждал меня в обратном.

В конце концов не выдержал я и пошел вниз по бульвару в надежде, что человек тот далеко еще не ушел, а сидит где-нибудь поблизости на лавочке и я его, наверняка, сейчас встречу. Раза два останавливал я случайных прохожих, шедших навстречу мне от Кропотки и спрашивал у них о моем незнакомце. Никто из них, однако, не видел его. Зато пока я у них спрашивал, шел мимо нас старик седой, шел медленно и услышав наш разговор, остановился и указал мне на Сивцев Вражек, сказав, что видел такого человека, свернувшего туда.

Я долго шел по Сивцеву, однако, в столь ранний час улица эта была совершенно безлюдна и, потеряв всякую надежду, вышел я на Арбат и дойдя до Арбатской площади, двинулся по Бульварному кольцу. Даже сейчас я до сих пор не могу понять, что заставило меня идти именно по Бульварному кольцу, но в тот день был я, похоже, уверен в том, что человек мой ушел туда.

Пройдя пешком пару бульваров, зашел я в какое-то небольшое кафе и сел выпить кофе. Выпив его, почувствовал я себя несколько усталым и отправился домой.

БОЛЕЕ СО МНОЮ В ЭТОТ ДЕНЬ НИЧЕГО ОСОБЕННОГО НЕ ПРОИСХОДИЛО.

"...раскололись и упали на землю несколько колонн и статуй черного храма Эвелинова. Робко поднял он голову свою, взметая вековую пыль с истертых ступеней храма и взглянув на пылающее небо сквозь длинные пряди слипшихся волос, еле слышно молвил: "Пощади меня... Отпусти..." Небо же в ответ ему разразилось громовым хохотом и такими вспышками огня, что осветило храм, подобно тому, как Солнце освещает его днем. "Ты не должен думать об этом!" - грозно прогрохотало, прорычало в ответ ему мрачное небо. И в то же мгновение опять разорвало темную ткань купола новым взрывом огня, один луч которого стремительно упал на землю и с проворством хищной птицы достиг головы его, прижатой к пыльным ступеням храма и лишил его разума.

Страшно вскрикнул он, вскинул руки свои к голове и обхватив ее, одним прыжком встал на ноги и разогнулся в полный рост, освещаемый вспышками молний и страшным хохотом неба..."

"...вот, доктор, а потом снится мне вот что: иду я по коридору, коридору длинному, темному, отчего туннель он мне напоминает... иду, иду, а вдоль стен в коридоре том - двери... высокие и красным светом как бы изнутри светятся... Вот подхожу я к одной, открыть хочу... а у нее... ручки нет... Зацепил я ее рукой за край, приоткрыл, а там - свет яркий... белый свет... в глаза бьет... Да так, что больно глазам... Приоткрыл я дверь эту пошире, а из-за нее..."

Более в день этот ничего со мною особенного не произошло. Зато ночью.....

.....Ночью я долго не мог заснуть, думая о событиях этого дня, произошедших со мною. А когда, наконец, заснул, видел я храм цвета черного, большой храм, древний, со статуями богов мне неизвестных, с мрачными колоннами мрамора черного, местами обвалившийся, местами мхом поросший, а местами и вовсе облепленный ракушками моллюсков морских, - будто стоял храм этот у берега морского, но сколько ни пытался я найти море рядом с ним, не было его - песок один кругом. И подошел ко мне сзади человек тот, которого утром я на бульваре встретил и, попросив меня не оборачиваться и ничему не удивляться, сказал тоном своим, как всегда, сухим, холодным и безразличным: "Смотри, человек! Это - Палестина!"

А дальше молния сверкнула - и оборвался сон мой. И более ничего не снилось мне до самого утра.

"...освещаемый вспышками молний и страшным хохотом неба. Безумные глаза его горестно взметнулись к небу, но тут же померкли и упало на пыльные ступени храма тело его, лишенное разума и поверженное..."

...Плохо помню, что было утром. Помню, что проснулся я уже ближе к полудню и, Бог знает зачем, очутился вновь у Пентагона. Что кто-то говорил мне, что ждут меня у Этажерки, что шел я до нее пешком через Проспект Маркса, что долго блуждал по улице Горького, не встретив никого у закрытых дверей Этажерки; потом, опять неизвестно зачем, зашел на Старый Квадрат (за Этажеркой) и долго спрашивал у всех проходивших мимо случайных людей, не видели ли они человека, Христа распявшего.

Люди отшатывались от меня и торопились уйти, какая-то верующая старушка осыпала меня проклятьями, другая, приняв за юродивого, дала двадцать копеек, парень с девушкой весело засмеялись и покрутили указательным пальцем у виска... Еще помню сел я на лавочку на Квадрате и забылся сном странным. Опять видел я храм черный, опять незнакомец говорил мне: "Смотри, человек! Это - Палестина!"

... И опять была молния... А после - туман... густой, белый... душно... А когда стал он рассеиваться, увидел я пик Эйфелевой башни...

...Когда проснулся я, лежал я на койке и увидел на фоне окошка зарешеченного лицо какого-то грустного и доброго бородача... в белом халате...

...В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ВЫПИСАН БЫЛ ИЗ П.Б.№ 45 ВЕТХИЙ СТАРИК ПО ФАМИЛИИ МИЛОСЛАВСКИЙ...

...Не помню и не хочу вспоминать всего того, что было со мною в белых холодных стенах П.Б. №45, как с горечью смотрел я на стаи птиц, улетающих на юг, смотрел сквозь решетки на окнах на свободных птиц и впервые за всю жизнь завидовал своим меньшим братьям; как вкалывали мне чудовищные растворы, после которых впадал я в такие сны, от которых трудно было пробудиться...

Но хочу сказать об одном лишь. Жил в углу соседней палаты добрый христианин преклонного возраста К.Л. Виделся я с ним всего несколько раз, но когда собрались меня

выписывать, подошел ко мне К.Л. и попросил передать записку одной его родственнице...

Есть в Москве такие районы, что состоят из старых переулков - доходных домов и редких особняков, построенных еще в прошлом веке. Вот в одном из таких районов и жила родственница К.Л. . Звонок в квартире ее был испорчен, а потому пришлось мне стучаться в дверь. Открыли не сразу. Я долго стучался, потом с отвратительнейшим скрипом дверь медленно приоткрылась и увидел я, что от нее к стене перекинута была проржавевшая цепочка. Когда цепочка натянулась, выплыло из мрака полуподвального помещения квартиры сухое, морщинистое лицо с безумно горящими глазами, обрамленное кочьями седых волос. Долгое время не хотела она меня пускать на порог дома своего, пока не растолковал я ей, как следует, кто прислал меня и зачем. Тогда, все еще глядя на меня с недоверием, взяла она из рук моих письмо К.Л. и отбросила цепочку на двери.

Далее прошел я по крутой истертой лестнице вниз и очутился в дурно пахнущей обители старой затворницы, имя которой было Кристина. Электричества здесь не было. Старуха трясущимися руками зажгла свечи и в их колеблющемся свете увидел я, что вся комната завешана пучками сухих трав и полувывсохшими трупами птиц, мелких грызунов и гадов.

Вдоль одной из стен тянулись нескончаемые полки, уставленные всевозможными порошками, растворами и мазями, источавшими весьма неприятный запах; здесь же лежали толстые томики в черных кожаных переплетах, ветхие и потрепанные. Пока хозяйка обители сей читала у свечи записку К.Л., сделалось мне весьма дурно. Заметив то, открыла Кристина потайную дверь и вытолкнула меня в коридор, длинный, узкий и темный, в котором, однако, воздух был гораздо чище и приятнее, нежели в ее комнате...

Потом, помню, пошел я по коридору тому. Иду, иду, - а он длинный, темный и все конца ему нет, - отчего туннель он мне напоминает. Вижу тут - вдоль стен в черном коридоре

том - двери, высокие и красным светом, как бы изнутри светятся. Вот подхожу я к одной, открыть хочу, а у нее - ручки нет... Зацепил я ее рукой за край, на себя потянул, приоткрыл, а там - ...свет яркий... белый свет, в глаза бьет, да так, что больно им, глазам-то... Приоткрыл я дверь эту пошире, а из-за нее - собак стая! - Лают, на задние лапы встают, на меня бросаются. Хочу я дверь ту закрыть, а она не закрывается (или это меня силы вдруг оставили?). Только выбежали собаки те в коридор - и на меня! В коридоре темно - хоть глаз выколи, а за мною несется десяток пар холодных желтых волчьих глаз. И красные пасти во тьме светятся, и клыки белые сверкают...

Бросился я от них дальше по коридору, долго бежал, а потом смотрю - там, впереди, в самом конце коридора того - одна лишь дверь и светится она не красным, как все, а голубым светом, таким добрым и зовущим... Побежал я на этот свет, но тут открылась одна из многочисленных красных дверей и чья-то властная сильная рука втащила меня в боковую комнату, ослепив ярким белым светом...

"...и упало на пыльные ступени храма тело его, лишенное разума и поверженное. В тот же миг вспыхнула на небе молния такой силы, какой не было еще за всю историю человеческую. И снова луч огненный упал на землю, обратившись в ярко-белого, сияющего человека, который скрывал сияние свое плащом цвета черного. "Восстань!" - молвил человек тот громовым голосом неба. Несчастный безмолвствовал. Начертал тогда сияющий человек в воздухе знак Эвелинов и - о, чудо! - восстал падший и безумный! Жадно глядели глаза его на Сияние Небесное в образе человека того. "Приветствую тебя, Сын Мой!" - молвило Сияние - "И поздравляю - сегодня ты родился на свет!" Распростерло Сияние руки свои и заключило в объятия ледяные тело воскресшего. "Теперь ты МОЙ!" - молвило Сияние. В тот же миг начал человек тот таять растворяясь в воздухе и обращаясь в сияющее облако, которое

стремительно поднималось вверх, возвращаясь домой, на небо... Воскресший с неизъяснимой любовью и благоговением долго еще смотрел вверх; пока не достигло облако то самого купола небесного. Растаяли в то же мгновение тучи черные, небо застилавшие и очистилось оно, отражая на храм добрый свет голубой, свет зовущий. "А теперь слушай меня внимательно!" - молвило очистившее небо Сияние. - "И то, что прикажу я тебе сейчас, выполнишь ты четко и с любовью..." - голос тот эхом отдался под куполом небесным, словно гром ударил. Но был то уже не грозовой гром, а гром дождя летнего, дождя теплого и безвредного...»

Туман... туман... Туман ? Разве может быть туман таким густым и тяжелым ?.. Нет, это не туман!.. Но... тогда что это ?.. Может быть, какой-то газ ?.. Но я не чувствую никакого запаха... Что же это ?.. Что ?.. душно... Туман... наверное, это все -таки туман... Хотя он таким и не бывает... густой... белый... Чем дальше я иду вперед, тем больше он рассеивается... Это как стена... Стена тумана перед входом... Это туман ослепляет своей белизной, когдаходишь в комнату... А теперь глаза уже привыкли и я вижу. Я вижу. Вижу! Вы никогда не испытывали радости видеть? - Для этого надо хотя бы раз познать полную слепоту...

Туман почти рассеялся... Я вижу глухую стену, к которой, тем не менее, ведут широкие блестящие ступени. Я поднимаюсь. Как скользко! Вперед, вперед!... Что это ?! - Ослепительно-блистающий золотой трон огромного размера! Господи! Какое потрясающее, какое великолепное произведение искусства! Какая тонкая, изумительная работа! Какие люди способны были создать это?! (Хотя люди ли это создали?) На ослепительном троне, состоящем из тысяч и тысяч миниатюрных золотых скульптурок восседало Нечто, темное и мохнатое. Где-то на уровне его головы сверкнули недобрым светом рубины глаз и я перестал контролировать себя.

"Здравствуй, Сын Мой!" - молвило Нечто и голос его гулко отдавался под сводами лепного потолка. Я пал на колени и

поцеловал начищенные до блеска золотые копыта мохнатого существа.

"Отныне ты будешь называть меня Хозяином!" - прогремело опять Нечто и торжественно протянуло гигантский бокал с чем-то красным. То ли было то пламя жидкое, то ли вино, какое мне неизвестно, но только когда осушили мы с ним бокалы те, где-то высоко под потолком хор чьих-то нежных, украденных голосов запел на мотив псалмов христианских: "Кровь Христа на твоих устах !»

"Теперь ты родился!" - молвило существо.

Закружился в то же мгновение вокруг него вихрь тел обнаженных, и были то ведьмы и грешники, демоны и колдуньи, маги магии черной и ворожеи из лесных дебрей, черные звездочеты и знахарки, привидения заброшенных замков и мельниц, и оборотни в обликах тварей диких, души тиранов умерших и прочих всех, кто дружен был с силою нечистой.

Подхватил и меня вихрь тот, в клочья разорвал одежду мою и завертел, закружил в безумной пляске вокруг Хозяина, оглушая визгом, рычанием, урчанием, гиканьем, и сотнями проклятий. Как не было мне все это противно, ничего уже я не мог поделать с собою, опьяненный выпитым.

"Кто это ?" - спросил я у ближайшей ведьмы, весело подпрыгивавшей на огромной метле и потрясавшей в воздухе молодыми и круглыми, как спелые яблоки, грудьми. - "Неужели сам Сатана ?"

"Что ты! - отмахнулась она, обнажая гниющие и воняющие зубы, - Это лишь председательствующий сегодня оборотень, но в силу своего сегодняшнего положения, говорит он от имени Хозяина. А Сатана слишком занят, чтобы проводить подобные вечеринки..." - и она оглушительно завизжала, увлекаемая вихрем танцующих.

Незаметно выскочил я из шумной толпы и пробился к

председательствовавшему оборотню, успевшему уже превратиться в изумрудно-сияющую крылатую кобру, чешуя которой переливалась всеми цветами радуги. Он не дал мне даже рта открыть, а едва лишь заметил меня, произнес: "Запомни! Того, кого ищешь ты, зовут ЭВЕЛИН!" - после этого молниеносно схватил он меня за шиворот, раскрутил в воздухе и вышвырнул за дверь, поддав на прощание хвостом под зад.

Вылетел я за дверь, стремительно минуя густую белую стену тумана, потом пылающую стену двери и очутился в коридоре. Вернее, должен был очутиться. Но что-то вышло, видно, не так, потому что очутился я в космическом пространстве и, судя по траектории моего полета, держал я курс на созвездие Пегаса. Пока пролетал я околоземное пространство, пытались меня расстрелять с чьего-то спутника, приняв, очевидно, за какого-то шпиона, а дальше все было спокойно. Летел я долго, потом внезапно во тьме космической разглядел я раскаленный шар, красный пылающий шар... И, что самое противное, - неся он прямо на меня. Вернее, наоборот - я неся прямо на него... Чем ближе я к нему подлетал, тем яснее становилось видно, что это вовсе не шар, а гигантская дыра, как бы вход в огромную трубу...

Через мгновение летел я уже сквозь раскаленную лаву, сквозь расплавленную жижу... Справа и слева от меня, сверху и снизу бились в ритме сумасшедшего танца невероятных размеров языки пламени страшного, геены огненной... Бились, но меня не касались и вреда мне никакого не причиняли. Потом вдруг внезапно исчезли они неведомо куда и вновь попал я в цепкие объятия холодного и густого белого тумана, закрывшего глаза мои на дальнейший мой путь. Когда же, наконец, миновал я и эту стену, очутился я в самом банальном кабинете какого-то научно-исследовательского института.

Повисев несколько минут в воздухе, плавно приземлился я в большое и мягкое кожанное кресло, рядом с уже сидевшим в

таком же кресле человеком лет сорока, коротко подстриженным и строго одетым. Был он брюнетом и глаза, как я помню, тоже были черными, хотя последние рассмотрел я плохо. Облачен же был он в обычный серый костюм, поверх которого накинут был блестящий и искрящийся плащ цвета черного.

Человек отвлекся на мгновение от экрана дисплэя, за которым он сидел; повернулся ко мне и скромно представился: "Хозяин".

И был то сам САТАНА.

Каким угодно мог представить я его себе, но только не таким, самым обыкновенным информатиком, каких в мире сейчас тысячи, сотни тысяч и все они похожи друг на друга (а что, если каждый из них - это немножко Он ?!)

"Знаю я, что тебя привело сюда." - молвил Сатана.

"Я ищу Эвелина, Христа распявшего. Но, Хозяин, мог ли быть в Иудеи человек с подобным именем? Ведь оно появилось гораздо позже..." - едва слышно пролепетал я.

"Звали того, кто гвозди в руки Христовы вбил, иначе. Но был он моим слугой и нарек я его Эвелином. Тебе же имя - Раций, запомни его хорошенько, Сын Мой!" - тут он замолчал, погрузившись в свои какие-то мысли и замер я перед ним в трепетном ожидании.

Через несколько дней Хозяин продолжал: "Иди же и найди того, кого ищешь ты! И да помогу тебе Я!" - он начертал в воздухе странный знак Эвелинов, но я продолжал оставаться на месте. Тогда Хозяин поколдовал у компьютера и сказал: "Эвелин несколько жизней назад Эвелином не был. И сегодня, в своей жизни, параллельной твоей не Эвелин он, но обладатель фамилии Милославский» - повторил он в воздухе знак свой и кресло мое выбросило меня снова в космос.

Опять были стены огня и тумана, опять оборотень шлепнул меня своим хвостом и упал я на землю в том же коридоре, с

которого все началось. Открыл я первую попавшуюся дверь и очутился на берегу Невы, рядом со сфинксами египетскими. Была глубокая ночь и полная луна ярко светила из Невской воды. У самого края берега сидел в ту ночь лохматый человек и играл на ситаре.

И имя ему было Джордж Харрисон...

"...дождя теплого и безвредного. Пал в миг тот воскресший на колени и поклялся выполнить все, Хозяину угодное. Засмеялось Сияние смехом радостным и рассыпались под небом звонкие трели его. После же молвило оно: "Имя тебе, Сын Мой, будет отныне ЭВЕЛИН!" "ААА!" - отвечивал воскресший. йишсерков лавовтствевто - "!ААА" "НИЛЕВЭ енынто тедуб..."

...И имя ему было Джордж Харрисон. Сел я с ним рядом, ноги в воду свесил. Прошло мимо нас под мостами разведенными судно большое с блестящими непонятными буквами на борту: «DSJ».

"Где я ?.." - спросил я у Харрисона.

"Мэйк лав ол дэй лонг! Мэйк лав, сингинг сонгс!" - пропел он в ответ.

Плюнул я тогда и вошел в пасть сфинкса египетского, вновь очутившись в коридоре.

Налетел в тот же миг вихрь силы невероятной, подхватило меня, завертело, закрутило и вышвырнуло в какое-то мне неведомое пространство. Долго крутило меня на одном месте, а потом распахнулась рядом со мной дверь скрипучая, издававшая звуки, походившие на воинственный клич племени дикого или зверя рык, нежели на дверной скрип и втащило меня потоком воздуха недюжинным в маленькую вонючую каморку ветхой и безумной Кристины.

Когда дверь захлопнулась, увидел я перед собою деву такой красоты, какой прежде никогда я не видывал. И держала она в правой руке зеркало размеру огромного, в левой же - меч,

тускло поблескивавший в бледном отсвете свечи...

"...После же молвило оно: "Имя тебе, Сын Мой, будет отныне ЭВЕЛИН! I "ААА!" - отвечивал воскресший. И был то - Первый Звук Истинный Бытия Эвелинова. "Кто ты?" - вопрошало Сияние, как бы вступив с ним в игру. "Имя мне Эвелин!" - молвил воскресший..."

"Кто ты ?" - вопрошал я одними губами.

"Я - старая Кристина!" - молвила дева, с трудом скрывая живую и свежую девическую улыбку.

"Зачем ты такая? - продолжал спрашивать я, - Я придумал тебя совершенно иной, - в моей истории ты - безумная столетняя старуха. Почему ты явилась такой? Разве герои чужих историй могут менять его действие без согласия автора ?"

"Я - не такая, какой ты меня придумал. Я - ИНАЯ. Слушай меня! Ведь я же не безумная старуха, не так ли ? Посмотри на меня, как следует!..."

"...Ты не безумная старуха..." - вынужден был согласиться я.

"Ты искал меня, не правда ли? Я - «твоя карма», я - твоя мечта, не так ли?.. Посмотри же, как следует, ну ?... Ты же уже любишь меня, и вот уж от этого никуда тебе не деться..." - она явно торжествовала.

"ДА! ЭТО ТЫ! ТЫ! ЭТО - ТЫ! НУ КОНЕЧНО ЖЕ ТЫ! - закричал я вдруг так громко, что сам себя оглушил, - ЭТО - ТЫ! ЭТО ЖЕ ТЫ! БОЖЕ МОЙ, КАК ЖЕ Я СРАЗУ ТЕБЯ НЕ УЗНАЛ?! Э Т О Ж Е ТЫ!!! КАРМА МОЯ! РАДОСТЬ МОЯ! БОЖЕ МОЙ! БОЖЕ!..."

Это действительно была ОНА. Радости моей не было границ. Бросился я к ней, обхватил ее обнаженную талию и вдруг... вдруг увидел я ...меч!

"Зачем он тебе? Зачем?" - испуганно зашептал я.

"Ты же придумал меня безумной старухой!" - неожиданно перешла в наступление она, ловко высвободившись из моих

объятий. - "Это меч Хозяина. И он покарает тебя, если ты не одумаешься и попробуешь вновь обратить меня в эту маразматичную рухлядь! Отрекись от того, какой видел ты меня прежде!" - наряду с Юдифьевской жестокостью была в глазах ее девичья мольба, дававшая мне еще надежду.

"Конечно же, конечно же, я отрекаюсь!" - обхватил я ее вновь. - "Разве мог я догадываться, что ты можешь быть такой!" - я нежно гладил ее и меч выпал из ее рук. - "Чудесная моя ведьма, очаровательная моя колдунья!"

Волею случая глянул я в этот миг в зеркало, что держала Кристина в правой руке своей и поражен был: стал я себя старше лет на шестьдесят!

"Кристина! Что со мной, Кристина! Чей это трюк?! Чьи злые козни?! Почему я так рано поседел?! Кристина! За что это?" - она лишь таинственно улыбалась.

"Не стоит тревожиться, Раций! Это все лишь временно. Тебе предстоит долгий путь и облик сей поможет тебе в достижении цели твоей. После же я верну тебе прежний облик твой..."

"Кристина, милая! Останься же, останься со мной! Скажи мне, что ты меня не покинешь! Скажи, умоляю тебя!"

"Как ты, однако, полюбил безумную старуху с шамкающим ртом, когда несколько преобразилась она!" - она продолжала посмеиваться надо мной. - "Конечно же, я останусь, ведь я - твоя мечта... всего лишь мечта, хотя по воле Хозяина и во плоти... Милый мой, куда же я без тебя денусь... твоя мечта... Конечно же, я буду с тобой..."

"...Имя мне Эвелин!" - молвил воскресший.

"Сын Мой, Эвелин Чудесный, слушай же первое мое слово к тебе, - начало Сияние, - воплощенный во плоть человека, пойдешь ты в Иерусалим и встретишь там конницу могучую, что ведет трех разбойников на казнь к горе. И наймешься ты там палачом. Когда же вобьешь ты гвозди кованные в длани

того, кто очутится на среднем кресте и кровь побежит со креста на землю, подставишь ты под струи ее горячие кубок сей." - и очутился в руках воскресшего кубок, красоты неопикуемой, хрусталя черного.

Сияние же в миг тот продолжало: "В час тот, когда принесешь ты мне кубок этот, крови полный, подарю я тебе обитель красоты божественной - храм мрамора черного и нарекут тот храм - Эвелиновым..."

После этого отстранила меня Кристина и, накинув прямо на голое тело неимоверно-длинный плащ цвета черного с красно-голубой подкладкой, села за ветхий стол, достала пыльный черный том с ближайшей полки и принялась смешивать какие-то мази с истертыми в порошок сухими травами и жирами, бормоча себе под нос: "Так... Так... Еще немного сельдерея... Теперь волчьего корня... Так... Лапчатка... Сдобрим все это жиром младенца... Да плюс сухая ножка жабы... Теперь слюна гадюки... Так-так... А сейчас еще немного... Так, а теперь..."

После, натерла она тело мое приготовленной ею мазью, шепча про себя слова заклинания и постепенно исчезла, как исчезло все, что было вокруг... А когда рассеялся поглотивший меня туман, увидел я вдалеке пик Эйфелевой башни...

"...И наполнив его, вернулся он к Хозяину, сиявшему над храмом черным, Эвелиновым. Спустилось в тот миг Сияние к ступеням храма, воплотившись в ярко-белого человека и пригубило кубок хрусталя черного..."

И был то Париж...

Я же очутился на одной из крыш полуразвалившегося особняка, неподалеку от Монмартра. Намазав себя одной из мазей, данных мне Кристиною в дорогу, оказался я одетым во вполне приличный костюм цвета черного... И отправился в город...

"...Он же обрел обитель новую - храм мрамора черного - храм Эвелинов. Ночи были его спокойны, днем же видел он, как из волн морских по песку мокрому к храму его ангел движется со знаменем крестным. И было ему оттого больно; ангел же каждый день играл на струнах души его, аки на арфе песнь одну и ту же - "Кровь Христа на твоих устах!" - и оттого ему было больно тоже..."

Уже за полночь встал я на одной из центральных площадей города в ожидании. И подошел ко мне сзади человек Хозяина. И молвил: "Скончался Милославский. Уже неделя как скончался. И погребен был на русском кладбище Сент Женевьев де Буа..."

Обернулся я, ибо голос говорившего знакомым показался мне, но в тот же миг взревел мотор мотоцикла и умчался в слепую ночь неузнанный мною демон. Я же отправился темными парижскими двориками к дому, номер которого уже запомнил я, но точно помню, что был он на Анатоль-авеню. После условного стука, отворил мне дверь человек, лицо которого было таким же черным, как плащ, тело его облежавший...

...И был то маг Иристон...

9 . 9 . 1 9 5 8

"Почему я пришел сюда? - спросил я, когда уже прошел вглубь дома и очутился в обители звездочета. "Я вызвал тебя по телепатору," - отвечал маг, весело стуча пальцами какую-то мелодию по крышке черного ящичка, именуемого телепатором.

"Зачем ?.. Зачем я понадобился тебе ?.. Кто ты, наконец?"

"Имя мое - Иристон - не скажет тебе ровным счетом ничего. Вызвал же я тебя сюда затем лишь, чтобы показать тебе путь, коим идёшь ты.... Слушай же меня внимательно и не

перебивай!... - на мгновение наступила полная тишина, после же Иристон продолжал, - Пятьдесят пять лет жизни своей потратил я на то, чтобы понять, почему люди бывают счастливы и несчастны. Оказалось, что не всегда мы встречаем в жизни того, кого должны встретить - оттого и беды все. Порою же выходит и так: мы встречаем, находим среди миллиардов людей одного, того, кого встретить должны, но из-за козней Дьявольских, опять теряем друг друга в бесконечном море людском. И решил я тогда помочь людям, сделать их счастливыми... Миллионы лет люди пытались сделать это же и уже накопили большой опыт, который я изучал, изучаю и буду изучать, пока дышу. Желание сделать людей счастливыми привело меня и к белой магии, благо есть такая, дабы чары черной разрушить...

Масса времени моего ушла и на то, чтобы высчитать, скольким людям на земле помочь я должен. Оказалось, что-то около шестидесятипяти процентов всего человечества в помощи моей нуждаются...

Теперь перейдем к тебе. Ты ищешь старика по фамилии Милославский, который несколько жизней назад Эвелином был, а еще раньше, в Иудеи - еще кем-то, чье имя утрачено уже. Милославский - ветхий старик, не имеющий уже родственников в России, выехал сюда, в Париж, где доживает век свой тетка его, еще более безумная, нежели он сам. Вот уже неделя, как Милославский скончался (мир праху его!) и похоронен был на кладбище Сент Женевьев де Буа на средства некоей русской благотворительной организации в Париже. (Это тебе для информации.) Ответь же мне, Раций, зачем ты ищешь его?" - торжественно-победно закончил маг.

И тут только задумался я, а правда, какого черта ищу я какого-то ветхого, выжившего из ума старика, который еще вдобавок вот уже неделя, как скончался ?!!

Ход мыслей моих прервал Иристон.

"На вопрос этот отвечу тебе я! - Ищешь ты его по

наставлению Хозяина. А зачем ты выполняешь его наставления ?.. Да вот зачем!.." - щелкнул он тут где-то кнопочкой и увидел я, как бегу я по коридору, коридору длинному, темному, отчего туннель он мне напоминает, а там, впереди, в самом конце туннеля - дверь, но светится она, не как все - красным, а голубым, теплым таким светом, зовущим... Бегу я к ней, а рядом со мной - Кристины лик и молвит она: "Помни, Раций, первую заповедь великого мага Голаса: "Нет на свете ничего, важнее Любви!"

Уже немного остается мне до двери той, но распахивается тут дверь боковая, красная и чья-то сильная рука втаскивает меня в комнату, ослепляя резким светом, белым и ярким, и оглушая рыкообразным криком: "Крови мне! Крови!" ...

...В тот же миг снова щелкнул Иристон и исчезло все.

"Теперь свяжем все это. - молвил маг - Ты, Раций, - почти счастливый человек, ибо встретил ты Ее, Карму Свою, а Она и есть человек тот, кого встретить должен ты в этой жизни своей. Но не мне говорить тебе, в каком состоянии сейчас отношения ваши. Из-за чего? - Из-за козней Дьявольских! Спасти Любовь вашу сможете вы тогда лишь, когда возьметесь за руки и войдете в дверь ту, голубую. Войти же в нее ты не можешь, ибо Сатана втаскивает тебя в боковые комнаты. Отстанет он тогда лишь, когда крови Христовой испьет, а принести ее может тот лишь, кто гвозди кованные в длани Его вбивал, на ком кровь Его, а имя ему - Эвелин. Вот почему ищешь ты Милославского." - закончил маг и перевел дыхание.

Минут с десять стоял я, переваривая услышанное. Из раздумий вывел меня все тот же Иристон, протягивавший мне кубок хрусталя черного.

Когда вышел я на улицу, уже светало. "И помни, Раций, нет на свете ничего, важнее Любви! А ради нее не поспешишь ни на какую жертву! Вперед!" - молвил маг, становясь все более прозрачным и постепенно тая в первых лучах восходящего

Солнца...

"...было больно тоже. Не стерпев более этих, решил бежать он от Хозяина. Но разве возможно это ? И решился он тогда ввечеру того же дня попросить Хозяина сжалиться над ним и отпустить.

Закат обаграл лучами своими древние стены храма..."

"...И все повторится снова, ибо сказано было на кольце Царя Иудейского: "ВСЕ ЭТО УЖЕ БЫЛО..."

Следующей ночью был я на поле широком, деревьями поросшем. И было поле то крестами засеяно. И имя ему было - кладбище Сент Женевьев де Буа.

Однако, прежде чем наступил час тот, в который должны были сбыться чары черные и поднять из могилы сырой Милославского, явился ко мне ангел светлый и молвил он: "Человече! Оглянись! Каким ты идёшь путем ?! Следуй за мной и выведу я тебя на Путь Истинный..."

И ступил я за ним. Шли мы так безумно долго и время мчалось назад, пока шагали мы. Путь же Истинный освещал мне он, излучая добрый серебристый свет и осеняя все вокруг себя знамением крестным.

Остановились же мы тогда лишь, когда виден стал храм мрамора черного, мхом поросший, храм Эвелинов. Взмахнул тогда попутчик мой крыльями своими, аки лебедь розовый и вознесся над храмом тем. Едва прочитал он над ним молитву христианскую, как рухнули стены его, обратив мрамор в пыль и песок и вздох облегчения над землей прокатился - и был то вздох души Эвелиновой, навек освобожденной теперь от воскресений, рождений и смертей...

В тот же миг увидел я на горизонте точку черную. Постепенно приближалась она к нам и попутчик мой поспешил навстречу ей. Был то человек.

Когда подошел он к нам, разглядел я, что был он

длинноволос и бородат, лик его показался мне до боли знакомым - и было в нем воплощение доброты и страдания. Когда был он совсем близко, заметил я, что с приходом его стало вокруг намного светлее и был сильно тому удивлен.

"Знаю я, - молвил тот человек, - что искал ты мучителя моего и знаю даже зачем, но неверным путем пошел ты, - пришел бы сразу ко мне и помог бы тебе я. Но ни в чем не виню я тебя, напротив же, все содеянное тобой прощаю я тебе и все то, что содеешь ты после заранее прощаю тоже. Не ты виновен в том, что деял ты, но Сатана, совративший тебя и обманувший словами правильными, словами о Любви, важнее которой нет воистину ничего на свете этом - и был человек тот воплощением всепрощения, - Знаю я, - молвил он далее, — что мешает тебе достичь блаженства вечного и готов помочь тебе ото всего сердца своего чистого, ибо любим ты мною, Человече!" - взял он в руки свои в тот миг из моих рук кубок хрусталя черного и молниеносно вену вскрыв свою, наполнил кровью алою кубок тот. Застыл я оттого перед ним и окаменел, глазам не веря своим, ибо мог сделать так только один человек.

"Да ты воистину свят!" - молвил я - "Кто же ты, открой секрет ?!"

...И БЫЛ ТО САМ ГОСПОДЬ БОГ...

...С сильным потоком воздуха ночного, гонимым ветром южным, влетел я в окно дома на Кутузовском проспекте, когда часы отсчитывали полночь. Она, та, кого я так безумно и свято любил и кто так холодно и безжалостно отверг любовь мою, спала мирным сном, свернувшись клубочком и похожа была на дитя невинное. "Боже! Разве я смогу когда-нибудь сказать ей "Прощай!" ?" - поразился я собственной дерзкой мысли. - "Нет! Я люблю ее, как прежде и вряд ли смогу когда-нибудь иначе относиться к ней..."

Подошел я к ней тогда на цыпочках и тихо поцеловал... в самые губы... такие сладкие и влекущие ... Но стало оттого

губам моим почему-то очень холодно... А сердце... В сердце будто откуда-то сверху упала маленькая, но острая льдинка и пребольно кольнула его...

За окном бушевал ветер, пригибая к самой земле старые деревья, грохотал невероятной силы гром и то и дело вспыхивали молнии, а где-то на уровне балкона ждала меня тень обнаженной ведьмы, придуманной когда-то мною столетней старухой...

Когда часы кончили бить полночь, вылетел я в окно, оставив на столе в темной комнате горящую свечу... И видел я при свете ее, как проснулась та, кого я только что поцеловал... в последний раз... Она же видела, как за окном, где бушевала ночная гроза, мелькнули две прозрачные тени и прошептала одна из них: "Я не прощаюсь с тобой, милая! Я лишь говорю тебе "До свидания! До скорого свидания!" А после исчезли они обе и Она, решив, что привиделось это ей, вновь свернулась клубочком и мирно задремала...

...А потом был опять коридор. Мы крепко держались за руки и летели по нему, едва касаясь кончиками пальцев ног холодного земляного пола, а мимо со скоростью света проносились десятки красных дверей, но мы летели вперед, на свет маленького, еле видного голубого квадрата в самом конце туннеля. Боковые двери распахивались одна за одной и вслед за нами неслись монстры и ведьмы, армии скелетов и черных магов, людоеды и инопланетные чудовища, но мы были сильнее и ни одной погоне было нас не догнать, потому что двигала нами святая сила Любви, а ей любые чары нипочем, ибо сильнее всех их она.

Когда были мы уже совсем близко к цели, распахнулась красная дверь боковая и выскочил оттуда всклокоченный лысеющий брюнет в строгом сером костюмчике, похожий на сотни одинаковых информатиков мира. Встал он поперек пути нашего и руки в стороны расставил - в тот же миг выросли у него огромные крылья черные, глаза огнем засверкали, а изо рта высунулись два больших желтых клыка,

с которых на пол слюна капала. "Крови мне! Крови!" - зарычал он и протянул к нам свои длинные когтистые лапы зверя дикого, намереваясь собственноручно разорвать на куски нас, но в тот же миг протянул я ему кубок хрусталя черного, до краев наполненный.

Замерло чудовище, потом поддалось соблазну, выхватило кубок тот из моих рук и жадно припало к нему, обхватив обеими руками. Мы же, не теряя времени даром, полетели дальше и так удалились от того места, что не догнал бы нас теперь даже сам Сатана.

Вылетели мы в большую залу круглую, за которою дверь светом голубым светилась, а там - последняя застава - кордон владений Хозяина. Из одного конца залы той в другой ходит рыцарь грозный в латах черных. Замерли мы, думаем, как бы мимо него прошмыгнуть. Только смотрим мы - рыцарь тот перед собою бьет копьём по каменному полу залы - слепой рыцарь-то! Слеп сторож сатанинский! Схватились мы еще крепче за руки и бросились мимо него. Остановился рыцарь, обернулся, прислушался, только не видит он нас - и поймать не может!

А мы пересекли залу ту и - о, чудесный, долгожданный миг! - распахнули дверь, что так долго звала нас светом своим добрым, светом голубым.

И была за ней Страна Вечной Любви...

1988

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Когда на флэт пришел Женя, телевизор выключили. Женя был интереснее телевизора. Сперва он, громыхая на пианино, слабал несколько своих песен о траве. Потом вся тусовка переползла на кухню. Женя сыпал анекдоты один за другим, перемеживая их с забавными случаями, свидетелями которых он был в крезе. Пока все его зачарованно слушали и пили горячий чай, он, не теряя времени даром, варил джеф...

...За окном быстро стемнело. С балкона дул легкий ветерок, игравший тюлевыми шторами. Вечерние отсветы фонарей и окон соседнего дома высвечивали на стене некогда цивильной комнаты (не более, чем пару дней назад) гуашевые разводы, принимавшие очертания пацифика и складывающиеся в слова, в лозунги и прочее.

Виллис лег под ними. Свет уже был выключен по всей квартире. С катушки звучало что-то электронно-сюрреалистичное, но довольно приятное, и, по мнению хозяина квартиры, особенно подходящее к озвучиванию прихода. Я повалился на большое продавленное кресло, мое любимое кресло в этой квартире, остальные расположились кто где. Многие лежали и сидели просто на полу.

Пока мы устраивались поудобнее в комнате, Женя на кухне успел сварить целую кучу всяких вещей, закинулся чем-то уже сам и, прокипятив машину, пришел в комнату.

Виллис лежал на диване и тихо пел маха-мантру, перебирая четки. Остальные – временно отрубившись, слушали музыку. Я пишу «остальные» - потому что не могу сейчас вспомнить, сколько их там всего было и кто именно был – как и в любой коммуналке, число присутствовавших в квартире постоянно менялось – дверь была не заперта, люди приходили и уходили.

Первым Женя вмазал Виллиса, потом пошел по кругу, помогая остальным. Комната из ночного сумрака стала перекрашиваться в светло-розовые и бледно-голубые тона. Последним вмазался сам Женя. Но уже минут через двадцать он вскочил на ноги и побежал снова на кухню что-то варить. Остальные в это время еще наслаждались приходом.

Белая комната, словно погруженная в розовый туман, медленно приходила в движение – неравномерно, отдельные ее части, элементы, вырывались из мрака и проплывая мимо пребывающих в кайфе, тонули снова в размытом пространстве стен. Сами стены, потолок и мебель тоже пытались двигаться, сперва – плавно, потом все быстрее, быстрее, нервно дергаясь, но при этом оставаясь на своих местах. Ощущение теплого спокойствия и безмерной любви и радости наполняло душу...

Через некоторое время Женя вернулся, прошел через комнату на балкон и с порога балкона обратился к Виллису. Тот не реагировал. Женя вышел на балкон и закурил.

- А ты ведь мне не полную машину задвинул...- вдруг раздался из темноты приглушенный но отчетливый голос Виллиса.

Женя сплюнул под ноги и ничего не сказал.

- Ты не поооолную... – опять начал петь Виллис. Тут Женя неожиданно, уже не контролируя себя, закричал с балкона в комнату и голос его эхом раздался по уснувшему кварталу:

- Да полную, полную машину я тебе задвинул! Билл, ну докажи ты ему, что я ему полную машину задвинул! Ты – свидетель!

Я, будучи в состоянии далеком от Женькиного (он обычно после джефа чувствовал себя бодрым и полным жизненной энергии), все же тоже вскочил и бросился на балкон.

- Ты – что?! Спятил?! – Орешь такое на всю улицу! – зашипел я.

- Нет, но ты же видел, скажи ты ему, что я ему полную машину задвинул! Скажи! – остановить Женьку уже было трудно. Он продолжал громогласно сообщать всему району, что задвинул Виллиса. Вдруг умолк, снова сплюнул себе под ноги, бросил недокуренную сигарету за борт балкона и помчался на кухню – вспомнил что-то! Виллис с отрешенным видом, глядя в пустоту перед собой, молча перебирал четки. Я пошел следом за Женькой.

Столкнулся я с ним уже у входа на кухню. Женька шел мне навстречу с какой-то железной миской в руках. От миски шел пар. Женька свернул в маленькую комнату и поставил миску на подоконник – остывать.

- Что это? – спросил я еле двигающимся языком.

- Теин – ответил Женька одними губами. Глаза его удовлетворенно светились.

Виллис наконец встал и сменил катушку. Долго не мог вправить ленту – тряслись руки. Когда наконец это ему удалось – комната наполнилась звуками блюза и в воздухе раздался мощный голос Джанис Джоплин. Она пела свой «Эго Рок» - как подходяще! Виллис повалился обратно на диван и позвал меня.

- Билли, если я тебя очень попрошу, ты попилишь меня? – почти интимным голосом спросил он.

Я ответил, что не попилю и что не следует даже об этом думать. В глазах Виллиса застыло страдание, какая-то неестественная боль или тоска, дикая, не присущая человеку жажда собственной смерти.

- Ясно – упавшим голосом сказал Виллис. Он был явно разочарован. – Тогда позови Женьку...

Женька согласился попилить Виллиса, когда тот его попросит в присущей ему глумливой манере: «Я попилю тебя. Потом. Если захочешь.» - сказал он наподобие Александра Колягина в фильме «Здравствуйте, я – ваша тетя», впихнул ему в рот два родедорма и вернулся в маленькую комнату.

Часа в два ночи пришла Ира. Женька, расхваливая ей свой теин и гордо расписывая, как он дал нам почувствовать сегодня приход, повел ее на кухню. Они пили горячий чай, а Женька, открыв холодильник, обнаружил в нем запасы

Циклодола, немедленно накормил им Иру и нажрался сам. Потом, почти через каждые 20 минут, он догонялся.

А в это время я в маленькой комнате под звуки джоплиновского «Саммертайма» пил теин. Возможно, я бы выпил его весь в одиночку, но когда уже примерно половина миски была пустой, в комнату влетел Женька и, выламывая мне зубы, вырвал миску из рук.

- Вот же дурак! Идиот! Ты что тут – кинуться решил?! – распекал он меня, жестоко обломав с каждой минутой нараставший кайф. Но и выпитого уже было достаточно. Хотя возможно включились и прочие наркотики, с которыми мы экспериментировали этой ночью. Темные комнаты наполнились неведь откуда взявшимися мириадами ярких бабочек, сверкавшими в темноте бриллиантовыми крыльями. Они порхали вокруг меня и с каждой минутой их становилось все больше и больше. Женька с Ирой допили теин и иногда резко возникали перед глазами, выплывая из марева бабочек. Женька продолжал ругаться на меня, но мне было сложно разобрать его слова – внимание отвлекали его руки – каждый раз, когда он взмахивал ими, жестикулируя в воздухе, было отчетливо заметно красочное оперенье – да, да, руки моего друга были покрыты ровным покровом из разноцветных перьев – взмахи рук приводили их в движение, перья взмывали вверх, иногда преображаясь в языки пламени... но тут же гасли. Я старался прислушаться, сфокусироваться на его речи, но не находил в ней особого смысла. Он говорил о том, как уходил в горы, как хотел достичь Памира и найти мудрых старцев. Старцы, одетые почему-то в шинели наполеоновских солдат сидели в это время в коридоре и ехидно хихикали, пытаясь развести

костер – видимо, им было зябко. Часть маленькой комнаты оказалась выложенной из горных валунов, тропа мимо них вела к коридору.

- Памир... Памир... Там любовь и мир... – распевал я вполголоса, срываясь на смех. Я смеялся над тем, как Женька так и не нашел старцев, глумящихся за углом от нас, в этой же самой квартире... Женька и Ира пялились на меня и их глаза светились из тьмы комнаты как лампочки, как белки глаз на потемневших иконах, как пузыри, неспособные оторваться от лиц... неподвижных глиняных лиц – но только до того момента, пока Женька снова не вскидывал руки вверх, озаряя нас фейерверком перьев и языков пламени. Тогда на какой-то миг комната приобретала свой прежний вид.

Когда Женька встал, пытаясь взять меня за плечи, он оказался стоящим на вершине горы. Комната к этому моменту практически исчезла – обрушилась вниз. Я знал, что Ира была рядом, я слышал ее тихий голос, но не видел ее. Она присутствовала в каком-то тонком нетелесном состоянии. А вот Женька, напротив, был вполне реальным. Он с трудом балансировал на скользких и острых камнях, пытаясь не сорваться. Он открывал рот и пытался разговаривать со мной – но оттуда вырывался только голос Джанис Джоплин. Мне казалось, что его это мучало. Он гримасничал, размахивал руками, но я слышал только слова из песни «Роуд Блок»...

Ослепительные разноцветные бабочки, порхавшие вокруг Памира, вдруг стали одна за другой вылетать в окно. И тут я ощутил ошеломительную свободу и легкость. Выяснилось, что я тоже могу летать! Я подпрыгивал в воздух и зависал в нем, размахивал руками и видел как они тоже переливаются

всеми цветами радуги. Я знал, что я – бабочка. Я порхал по комнатам, с легкостью и изяществом облетая углы и мебель.

Женька иногда попадал в поле моего зрения – мне казалось, что он был сражен моим перевоплощением. Он стоял с открытым ртом, с трудом балансируя на вершине горы, а изо рта его все громче пела Джанис. В какой-то миг он подпрыгнул и тоже полетел ко мне, в моем направлении, и схватил за плечи и руки. Мне не нравилось выражение его лица. Кажется, он снова хотел обломать мне весь кайф...

Он остановил меня уже стоящим на подоконнике, когда я вылетал из окна со всей стайей бабочек...

- Ты что?? Билл! Билл! Опомнись! Кончай дурить! – кричал он, уже держа меня за ноги и пытаясь стащить вниз.

Неожиданно изо рта Женьки сквозь поток голоса Джанис вырвались три слова: «Никакая не бабочка!!!». Ее голос отошел на задний план, стал стихать, пока я совсем не перестал его замечать. Памир куда-то исчез. Маленькая комната была снова как прежде. Мне стало как-то страшно мерзко и холодно, а кроме того на мой вполне резонный вопрос о том, почему я стою на подоконнике, Женька со злостью просто ответил: «Потому что дурак!!!».

В коридоре на полу сидел какой-то бородатый незнакомый мне гость Виллиса и почему-то ломал по одной спички. Перед ним лежала незажженная свечка и кучка уже сломанных спичек. Он раскачивался из стороны в сторону в ритм своей, только ему слышной, мелодии и не видел нас....

В дверь позвонили. Женька пошел открывать. На пороге стоял сосед снизу.

- Вам помощь не нужна? – спросил он без особых эмоций в голосе, хотя чувствовалось, что он раздражен.

За спиной у Женьки гремела музыка, хотя было уже около трех ночи.

- Аааа... – понимающе протянул Женька – Нужно музыку потише сделать?

- Да нет, - сказал сосед снизу, - Помощь вам не нужна? А музыку можете оставить...

Теперь уже даже Женька ничего не понимал.

- Нет! – бодро сказал он, - Не нужна!

- Ну извините, - сказал сосед, - На нет и спроса нет. Просто у меня внизу люстра качается, вот я и подумал, может нужно помочь чем...

- Нет-нет, большое спасибо! Помощь нам не нужна! – вежливо сказал Женька и поспешил закрыть дверь, - Вот же у тебя тут соседи ненормальные живут! – обратился он к Виллису, - Не спится им по ночам!

Виллис перебирал четки и смотрел сквозь потолок в космос.

Мы слышали как сосед ушел обратно, а музыку тише так и не сделали.

Я упросил Женьку сварить еще теина, но в этот раз он уже что-то перепутал, когда готовил его, видимо, от того, что продолжал вместе с Ирой догоняться циклоидой. Я попробовал его варевка, но прежнего эйфорического эффекта не последовало. Скорее, он даже был совершенно противоположным. Меня охватил панический страх, боязнь

буквально абсолютно всего и в то же время ничего конкретного. Иррациональная тревожность, от которой я нигде не мог скрыться.

Неожиданно встал Виллис и пришел к нам. Женька пытался напоить его своим зельем, но почему-то это был совсем другой Виллис, чем тот, которого мы знали раньше. Он был страшно раздражительный и агрессивный. Он сказал, чтобы мы тут сами пили такое дерьмо и, окинув каким-то хищным взглядом кухню, ушел спать.

Джанис допела «Цветок под Солнцем» и катушка закончилась. Пленка беспомощно завертелась по кругу. Виллис спал и выключить магнитофон было некому.

В дверь опять позвонили. Несмотря на то, что в этот вечер она не запиралась, а только прикрывалась. Шатающейся походкой к ней подошла Ира. Когда она приоткрыла дверь, в небольшую щель мы ясно увидели двух молодых милиционеров, которые топтались на пороге, нетерпеливо ожидая, когда же их наконец впустят.

«Новички!» - подумали мы – «Матерые уже вошли бы без приглашения».

Ира, хотя и была не в себе, от такого явления, моментально вернулась в норму.

- А музыку мы уже выключили... – заплетающимся языком пробормотала она и с силой захлопнула дверь.

За дверью еще некоторое время слышались шаги, какой-то приглушенный разговор, слова которого мы разобрать не могли, потом все стихло.

Страх после «неправильного» теина охватывал меня все больше и больше. Я боялся окружающих меня предметов – они все втайне представляли угрозу. Потушил свет, чтобы их не видеть, но немедленно стал бояться темноты. Опять зажег свет, забрался с ногами на подоконник – тут было выше, безопаснее, здесь меня никто так просто не застанет врасплох. Так я и сидел и смотрел в окно – в ночной темный двор. Пришел Женька, допивший свой теин, сел рядом, теперь мы смотрели в окно вместе. И тут мы одновременно увидели одно и то же: через почти не освещенный двор, через эту черную дыру ночи, едва касаясь ногами земли, шел человек в ослепительно белой одежде с каким-то то ли тазом, то ли корытом в руках. Он поднимал и опускал руки, делая огромные взмахи и от этого еще быстрее перемещался через двор. Тут мне стало совсем СТРАШНО. Я забился в угол между диваном и пианино и весь трясся, как от сильного холода, а перед глазами стояло не по-человечески искаженное лицо белого человека. Женька вздохнул, ничего не сказал, и снова побежал на кухню.

Я закрыл окно, оставил включенной лампу и лег рядом с Ирой. У нее кружилась голова, а после циклы, она почему-то то и дело спрашивала, зачем мы унесли из ее комнаты шкаф. Видимо, ей казалось, что она была у себя в квартире. Когда мне наконец удалось объяснить ей, что она дома у Виллиса, она очень удивилась и стала расспрашивать меня о том, как и когда она сюда попала и что она тут делает.

Уже на рассвете, обнявшись, мы уснули.

Женька же не спал всю ночь, он продолжал чем-то догоняться, ширяться, пить новые варева и уснул только

после того, как съел еще несколько родедормов и фенозепамов, часов в шесть утра...

...Мы все проснулись одновременно от настойчивого телефонного звонка. Было 10 часов утра и звонила Женина мама. Несмотря на его дикий и вольный образ жизни, она продолжала время от времени пытаться установить его местонахождение. И вот теперь мама Жени спрашивала, не тут ли он и чем он может быть занят.

Виллис не стал врать, признался, что Женя тут.

- Спит! – хмуро сказал Виллис в трубку, повесил ее и вернулся в комнату.

- Что будем делать сегодня? – наивно спросил я.

- Спать! – так же хмуро ответил хозяин квартиры и со вздохом рухнул на диван.

Но я с самого утра уже уснуть не мог. Я сидел на балконе и пускал мыльные пузыри, любовался, как они переливаются на солнце, большие, красивые, поднимаются вверх, пытаются взмыть над собратями, а потом... так внезапно лопаются. И пропадают. И все их волшебство и красота разом пропадают вместе с ними. Раз! Был – и нету... А ведь был...всего еще миг назад. Я еще его помню перед глазами, я смотрел на него, любовался, но его уже больше нет...

Мама Жени звонила все утро – примерно с интервалами в два часа – в 12, 14, 16, наконец в 18 часов... так что спать особо ни у кого не вышло. Мы ругались на Виллиса, что он заложил Женю маме. Когда на очередной ее звонок, Виллис снова ответил, что он спит, мама разволновалась, попросила

посмотреть – дышит ли он. Виллис выполнил ее пожелание – посмотрел, потом злым невыспавшимся голосом сказал в трубку язвительно: «Частично», повесил ее и отключил телефон. Лег спать.

Однако, спать опять не вышло. Совсем скоро снова позвонили в дверь. Это была мама Жени.

- Где он?! – она решительным шагом вошла в квартиру.

- Он? Он ушел домой... уже полчаса, как ушел, – пытался отпираться Виллис.

Мама Жени остановилась на миг в задумчивости, ориентируясь в старой квартире с незнакомой планировкой, потом все так же решительно прошла через все спальни. Женьки действительно нигде не было и была такая убедительная «гробовая» тишина, что мама поверила и быстро оставила нас в покое, покинув квартиру. Проводив взглядом ее удаляющуюся во дворе фигуру, мы сами теперь тоже начали волноваться.

- Ну а серьезно – где он? – недоумевал Виллис.

Мы нашли его на кухонном полу, прислонившимся к стенке. Как и когда он успел переместиться туда из маленькой комнаты в течение дня оставалось для нас загадкой. Мы пытались разбудить его. Женька не пробуждался. Виллис снял с него темные очки и застыл на месте. Лицо его исказила страшная гримаса.

- Пипл... а что это с ним, пипл?! – только и сумел пробормотать он.

Женька лежал на полу с каким-то нелепым выражением лица и странно закатившимися глазами. Он почти не дышал и изо рта на джинсовую куртку накапала слюна и, похоже, какая-то пена – не то, чтобы много, но достаточно, чтобы резко отрезвить и напугать нас. Виллис схватил его руку, стал щупать пульс – он еле-еле пробивался.

- Надо бы... скорую вызвать... – с расстановкой произнесла стоявшая рядом и державшаяся на стену Ира.

- Но ведь тогда и менты приедут... – сказал Виллис.

...Только полонинадцатого вечера, когда уже совсем стемнело, Женьку вынесли во двор и положили в дальней беседке на лавочку. Потом Виллис наконец позвонил в скорую и, назвавшись вымышленным именем, запоздалым прохожим, увидевшим в беседке «молодого человека, которому по-моему плохо», дал настоящий адрес двора и фейковый телефон для связи.

Скорая приехала действительно с ментами. Мы стояли на самом верхнем этаже лестничной клетки и смотрели через запыленное окно в ночной темный двор, на беседку со странно скрючившимся Женькой, переставшим дышать еще до приезда скорой, на кучку взрослых людей, озабоченно бегавших вокруг него, на отъезжавшие машины, выхватывавшие лучами фар одинокие деревья в темноте двора, которые, казалось, с горечью качали кронами своими, сожалея о случившемся.

Машины уже давно скрылись в чернильной темноте ночи, а мы все еще стояли у запыленного окна на лестничной клетке, нервно курили сигарету за сигаретой, а я почему-то снова думал о мыльных пузырях. И о Женьке. И о таких, как он.

Такие полные жизни, красивые, а потом – так внезапно лопаются и исчезают навсегда... Пропадает разом все их очарование и волшебство и красота... Раз! Был – и нету... А ведь был...был...

На рассвете Виллис и Ира ушли по трассе в сторону Алтая. Они хотели подняться на Памир и найти мудрых старцев.

Август 1988

3. СТИХИ

1985-1991

Вы никогда не видели Солнца сквозь волосы,
Длинные волосы, падающие на лоб ?

Вы никогда не испытывали того, что терпит Солнце,
Когда оно прорывается и хочет хотя бы лучом,
Одним-единственным
Наполнить чёрные бездны
пустых и блуждающих глаз?

Попробуйте! Хотя бы раз... -
И, может быть, вы познаете
Радость увидеть свет...

Если же нет,
Вам никогда не услышать
Голоса солнечных лучей,
Ныряющих в мелкий ручей,

Попробуйте! Это так просто:
Услышать среди ветвей
Песни диких ветров,
Понять смысл трав и их слов
Увидеть, услышать и
Конечно же,

...П О Л Ю Б И Т Ь...
Попробуйте! Ведь для этого
Мы и должны жить...

Люди смотрят в небо большими глазами машин, -
Я почему-то не вижу того, на что смотрят они...
В грохоте пыльных дорог и в шуме больших городов,
Какдую ночь вырываясь из скользких щупалец снов,
Прислушайся к шуму травы и к стуку сердец людей!
Ты чувствуешь запах земли ? - сегодня он стал нам нужней...

Туда, где нет трупов животных,
Потому что не бывает людей с ружьем
Туда, где не услышишь выстрелов холодных,
Завтра на рассвете мы с тобой уйдем
Мы расчешем волос длинные пряди
Их раздует свободный ветер гор –
Он и Солнце укажут нам верный путь
Из вашего мира-ловушки
Мы уйдем по тропинке, указанной ветром
Оттуда, где все продают и скупают,
Где людей до сих пор делят на расы,
Где человек человеку – волк,
Оттуда, где правит людьми монета,
Где роботов стало больше людей
Где каждый второй грызет глотку соседа
И хочет казаться другим сильней

1985

Мы пьем в лугах полночный чай
Из лунной синевы, -
Гонцы незримых светлых стай,
Сокрытых средь травы
Приветствуем чужие сны -
Им обещали мы
Сегодня показать Луну -
С лучшей стороны...

Нас не найти в туманных росах, -
Хоть тропы не новы
В молчаньи наш волшебный посох
И зеркала - немые
В сей миг, в сей час
Мы рады Вас
приветствовать на "Вы"
Мы Вам покажем мир подлунный -
с лучшей стороны...
...Луны...

Еще вчера тебя я не знал
Еще вчера я глупым считал того,
Кто верит в святую любовь
Еще вчера я был пессимист
Еще вчера не верил я в жизнь и любовь
И в то, что она придет вновь
Но вот тебя я за руки взял
И в темноте солнца луч засверкал
И ветер надул паруса кораблю
И я понесусь на нем над землей
И я всегда буду вместе с тобой
И каждый из нас промолвит слово «люблю»

Перламутром землю окрасила
Окровавленная Луна
Плеском волн
Не спасла...

Выжидающе замерли тени -
Кто сегодня, взорвавшись криком,
Остановит бегущее время,
Исказив замеревшие лики ?.. -

Захлебнувшийся в мутно-алой,
Горизонт захлестнувшей грязи,
Кто сегодня, сорвав усталость,
Ступит шаг...
И сорвется наземь ?..

Не успел
Не удержался
Только миг...
Остановлена Вечность
Что искал
На то и нарвался
И остался
Во Тьме
Навечно...

Тьма чернил,
Растворяющих сердце,
Прерывает полет,
Блекнут души
Остановлена Бесконечность
Свет вечерний давно потушен

Никого
Только Звук Испуга
Кто сегодня разбившейся птицей
Сон увидит
На жертвенном ложе...

Зеркала отражают друг друга,
Похищая чужие лица
Фонари через миг разобьются
В окровавленной лунной луже....

Мы - потерянное поколение, -
Так нас, по крайней мере, называют, -
Цветы, растоптанные на ступенях,
Ведущих туда, куда не пускают.
Мы - те, в кого плюются прохожие,
Мы - те, кто вырос в эпоху застоя,
Мы - те, кто был на других непохожим
И те, кто вышел из общего строя...

Волосы наши длинны и нелепы наши одежды,
Идеи наши смешны и безумны наши надежды,
Но, что отличает от вас, это то, что у нас есть вера –
Ее не сломать ментам и стенам психдиспансера.
И мы остаемся тем, кем годы назад мы были,
Мы верим по-прежнему в то, о чём вы давно позабыли
И мы уходим туда, куда не пустят вас, сытых,
Причёсанных с утра, накрахмаленных, свежеумытых,
С улыбкою чистых зубов и с постоянной зарплатой,
С уютом тёплых флэтов, не то, что у нас, патлатых...
Вас не пустят туда, вас, посмеяться пришедших
Над вывеской:

«МАГИЧЕСКИЙ ТЕАТР.

ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СУМАСШЕДШИХ.»

Мы возьмёмся за руки и держась друг за друга пойдём
Мы пойдём туда, где нет лжи, где нет любой фальши
Мы пойдём туда, где можно воистину сохранить
верность идеалу
и туда, где вечная любовь
Мы покинем, оставим вас, люди
хотя мы вас любили
Эта страна зовётся Страной Любви
Мы спустимся к подножию Холма Поцелуев
в Долину Верности
Там, где всегда греет большое горячее оранжевое Солнце
и за Холмом слышен шум бурного потока Реки Обещаний,
мы остановимся
Немного дальше того места, где
мы разобьём Лагерь Счастья,
есть Озеро Сладостного Покоя
В нём не вода, а патока
Мы остановимся там навсегда
И никому из нас даже в голову не придёт
продолжить путь в Горы Разочарования,
за которыми видны печальные лиловые холмы
Страны Измены

1985

Тому, через что мы прошли,
Слава Богу, уже не бывать
И в памяти старые раны
Начнут заживать...
А длинные волосы - тоже память
В них заблудился ветер Невы,
Пепел костров и песок трасс...
И никому никогда не заставить
Забуть нас то, во что верили мы
Этого не отнять у нас..

Они были длинноволосы,
Юродивы, в рваных одеждах,
Как птицы небесные, босы,
Но человечны, как прежде.
Их гнали, ругали, пинали,
Травили, плевали в глаза им, -
Они, улыбаясь, молчали
И молча спасти мир пытались.
Людей было больше и вскоре
Уже Их почти не осталось,
А если кто жив, то в неволе
За то, что спасти мир пытались...
Глаза доброю светились,
С улыбкою на губах
Они умирали, любя, -
Святые, что в мир сей явились
Грехи его взять на себя...

Улица Горького, Невский проспект, -
Стены из камня, - о них разбивали мы наши мечты,
Я ещё помню, ты - уже нет,
Ты - как осколок потерянной вдруг доброты...
Мы бунтовали, пытались когда-то весь мир
изменить,
А вчера мне с ухмылкой сказали:
А, знаешь, говорят, они были бунтари ?!!
Им никогда не понять, им наплевать
На наши идеалы, на наши мечты,
Им не узнать, как мы шли умирать
За то, во что искренне верили мы...
...Улица Горького, Невский проспект, -
Джинсы-лохмотья, облезлые патлы -
прохожих испуг...
Что происходит ? Кто гасит свет ?
И почему мы в святых превращаемся вдруг ?...

В ТУПИКЕ

Вена синяя под кожей вздулась –
Кажется, вырвется, кожу прорвав
Мы, дети пустынных улиц,
Уходим в царство лесов и трав...
Вена рвется на волю сквозь кожу,
Как лед ломая вода Невы,
Но ничто уже тебя не встревожит,
Когда начнутся голубые сны...
Оставь машинку - в ней нет спасенья
Рука устала от дыр и полос
Но добрая сестра из твоего отделения
Вежливо подает тебе горсть колёс..
...И все начинается снова, как в театре,
Но есть окно – можно выйти из страшной игры
И росчерком пера в больничной карте
Дорисовать последний штрих судьбы...

Памяти Джона Леннона

Смейтесь до хрипоты! До крови в горле смейтесь!
Орите на все голоса! Рыдайте, ликуйте, стоните!
Кто был из вас против, кто за, -
На всех перекрестках кричите!
НО ЭТО ПОСЛЕДНИЙ БЫЛ ДЕНЬ.
А после - и друг, и противник -
Все превращаются в тень
И выцветут краски мира

И тот, кто из вас прежде жил,
Теперь существует и только.
И тот, кто когда-то любил,
Не может любить - ему больно...
А первый выстрел свершил
Не всё; можно было исправить:
Он Солнце лишь потушил
И Небо заставил плакать...

Но было их ровно пять -
И звёзды исчезли с испуга,
И месяц боялся вставать,
Услышав скорбную футу...
И с носа скользнули очки,
Давно так знакомые миру
И выстрел затих в ночи,
Рыдая эхом в эфире.
Со снега крови не смыть...
И нам стало вдруг одиноко
У двери, боясь войти в «Дакоту», стояла Йоко...

Маленький мальчик с бледным лицом
Сквозь волосы длинные волком глядел
На тех, кто не любит лохматых юнцов,
Не вникнув в суть их запутанных дел.
Ему говорили: Наивный чужак!
Ты веришь в тобою придуманный миф
Ты веришь в Страну Земляничных Полян -
Хотя ты ни разу не видел их!
Ты веришь в ласку оранжевых солнц
И человека в круглых очках
Но только - куда тебя выведет он -
Забрав твой покой и дав вкусить страх ?
Твой друг - на игле, ему ближе дурман,
А девушка завтра к другому уйдёт
А ты веришь в свет Земляничных Полян,
Но вряд ли тебя свет этот спасёт.
Чужак, оглянись! Вот такие как ты -
Вены вскрывают вместо того,
Чтобы, как прежде, сажать цветы
И проповедовать мир и любовь.
Так говорили ему не раз,
Смеялись в лицо и били порой,
Говорили, что эти мечты - маразм
И поиск его называли игрой.
А он сидел в запалённом углу
И молча терпел унижений обвал
Не вскрыв себе вены, не сев на иглу -
Последний житель Земляничных Полян.

1987

Ты живёшь своей жизнью
Как будто во сне
Не имея друзей и врагов
И минуты песком
Оседают на дне
Безымянных песочных часов
И в твоих глазах -
Сколько в них не смотри -
Ничего не разобрать
И когда тебе стукнет 33 -
Тебя некому будет распять.
Ты умрешь спокойно
С бутербродом в руке
В окруженьи любимой семьи
И осядешь песком в безымянной реке
Не открытой тобою страны

1988

Сегодня закончится время
Завтра наступит вечность
Мы - одинокое племя,
Идущее в неизвестность
Мы стёрли подошвы туфель
И босиком шагаем
Глядя как тени кукол
В дымке утра исчезают
Из праха, песка и пепла
Я знаю - солнце встанет
И мы будем щуриться слепо
Прежде, чем нас не станет

1989

Моя игра не стоит свеч
А мои свечи - игр не стоят
Лишь почему-то беспокоят
Обрывки позабытых встреч
Нас было много, я - один...
Я - словно брошенный корабль
Или упавший дирижабль
Дрейфую в море среди льдин
Я уплыву за океан
Туда, где солнце жарче греет
И где никто уж не сумеет
Залезть мне в душу и в карман
И не останется тогда
Здесь никого, и наше лето
С другими приключится где-то
Пока вокруг идёт зима...

1990

Там, где отражается пепел сердец
Под бесстрастным взглядом Луны,
Где кончается начало, начинается конец
И мы остаемся одни,
Где стираются тени сиянием глаз,
Прорывающимся сквозь стекло,
Где века за веками мы в сотый раз
Понимаем, что все истекло,
Но не верим и вяжем незримую нить
Меж уставших душ и сердец,
От которой никому нас не освободить
Даже если наступит конец.
Словно заперты в замке мы под замком, -
Только факелы и зола –
И мы бродим, забыв, где наш истинный дом,
И ищем немые слова.
Только толща зеркал разделяет нас здесь,
Толща цвета и времени пыль,
Выпит яд и вино и коктейль выпит весь
Только кофе забыли допить...
Он остынет, когда остынут сердца, -
Потускнеют зеркальные грани
И конец начала, начало конца
В полной силе своей настанет.
Так не дай остынуть каминной золе,
Своему сердцу и кофе
И сквозь толщи иллюзий в солнечной мгле
Я восстану, придя к тебе вновь
Потревожу твой сон и при свете Луны
Обрету твое сердце опять
И расступится время – годы и дни
И мы будем, как прежде, летать...

...пророчества сбываются, как сны,
И пепел обращается в белых птиц
В прежних птиц Света...

When I will find out that my love has gone,
When I will find out that I am all alone,
I'm ringing to my friends – but nobody's home
I'm trying to get out – feeling falling like a stone –
I'll fall in love when it is nowhere else to fall...

Я ушел от тебя, чтобы снова вернуться,
Я закрыл глаза, чтобы вновь оглянуться,
Я заснул, но должен был снова проснуться
Сам не зная, зачем это мне...
Может стоило мне и не возвращаться,
Не оглядываться и не просыпаться,
Может стоило мне навеки остаться
В моем дивном розовом сне?

О, Господь, обрати меня в птицу,
Дабы я воспарил над землей,
Дабы все, что мне только снится,
Наяву вдруг случилось со мной
Облетев землю всю ясным соколом,
Я задену за провода
Просветленный высоким током
Больше я не проснусь никогда

Я себя убивать не буду
Я себя убивать не стану
Своим ходом ко мне ты придешь
С темным ликом да стройным станом
С темным ликом да стройным станом
Красна девица аки жар-птица
Только перси твои и длани
И вся плоть – холодна, как водица
Я пол-жизни тебя ждал, надеясь
И пол-жизни еще – без надежды
Подойди же ко мне смелее
Совлеки же с себя одежды
И мы будем любить друг друга
Наше время лишь миг, да в нем вечность
Ты и я в заколдованном круге
Имя кругу тому – бесконечность
Обними меня с нежной лаской
Я не буду включать ночью свет
Расскажи мне красивую сказку
Королева по имени Смерть

[Рок-н-ролл]

я зимою спал на крышах генеральских домов
а если б вышел я выше – то и был бы таков
и лишь жажда кофе спустила меня на ступени крыльца
я не знаю, кто здесь прав, а кто виноват,
но меня почему-то снова тянет назад
и я снова начинаю свой маршрут без конца –
от Сайгона до Бульварного Кольца
от Сайгона до Бульварного Кольца
от Сайгона до Бульварного Кольца
и так без конца

я в Шушарах стою с поднятой рукой
меня знает уже каждый дальнбой
я стою – и сам черт стоит со мной
не скрывая лица
я приеду и впишусь на стремный флэт
и так будет еще много-много лет
пока к нам на флэт не заглянет мент
и так без конца

от Сайгона до Бульварного Кольца
от Сайгона до Бульварного Кольца
от Сайгона до Бульварного Кольца
и так без конца

Ты непустишь в свой замок чужих,
На цепях не опустишь моста,
Не откроешь толпе ты ворот своих,
Даже если совесть чиста
Ты на башне не спустишь свой флаг,
Ты не дашь прикоснуться к звезде,
Ты поверишь в стрелу, что не выпустил враг –
Ведь она помогала везде...
Ты закроешь оконный хрусталь,
Ты костры разоряешь у ворот,
Лишь твой герб и меча справедливая сталь
Может быть, в этот раз спасет...
Даже если уйдет жена
И все рыцари с голода мрут,
Ты ворот не откроешь и только Луна
Остается с тобой и талмуд.
А когда неприятель войдет,
Замок станет похож на костер,
Но серебряных стрел свет тебя приведет
В поглощенный туманом бор.
Пусти черных ниток клубок, -
Ты увидишь заброшенный пруд...
Он порос камышом и уже неглубок
Но на берегу ты найдешь лук.
Рассекал воздух, стрела
Прочертит дугу в небе ночном
И на землю с него упадет звезда,
И ты вновь обретешь свой дом...

Черный конь стучит копытом из бронзы
у ворот Королевы Слез...
Значит кончилось время
и кончились грезы и чай
И пора подниматься
и, пробираясь сквозь аллеи трепещущих роз,
Уходить, чтоб вернуться
и вымолвить снова: "Прощай!..

Мы так долго сидели в осаде
пылающих будней и серых людей
И наш сторож, хранивший покой,
ушел в свои сны
Даже наши мечты, как и дамы,
спешили из одной в другую постель
И в толпе друзей мы порой оставались одни...

И когда наши черти в безумье начнут
молить озверевших богов
И серебряный всадник навек потеряет свой след,
Я не знаю, кто выйдет и выйдет ли кто
из-за стекол зеркальных оков
И взяв в руки флейту и сев у костра
и на плечи набросив плед...

Я узнаю его и покину свой лес
и оставлю свой храм под луной,
Только пламя костра сожжет звезды одну за другой,
И серебряный всадник, неся факел и меч,
вновь прочитается за черной рекой,
И в часовне гусарский трубач отыграет отбой.

Я стреножу коня и пройду сквозь ворота
дворца Королевы Слёз,
Я увижу жемчужины глаз и бархат лица,
А потом, не решившись найти верный ответ

на предложенный ею вопрос,
Я сойду с ее лестниц, взойдя в небеса,
чтобы снова начать всё с конца...

Я шагну над костром и под звуки хорала
одену терновый венец,
Если это - конец, значит всё еще ждет впереди,
Только кто-то мне шепчет из огненной выси,
что это еще не конец,
А всего лишь друзья, но мы, как и прежде,
среди них остаемся одни...

И когда наши боги помолятся чёрту
и не дрогнут, минуя черту,
То поверженный раб будет призван на огненный суд,
В том, что он был хозяин своих палачей,
он беспечно сознается вдруг...
И присяжные пустят слезу, всё простят и поймут...

Молитесь Богу – как Любви
Любви молитесь – словно Богу
Пусть освещает вам дорогу
По вашей жизни свет любви
Любовь храните, как алмаз,
Грааля чашу, Чинтамани
И пусть всегда свет ваших глаз
Дорогу разберет в тумане
И тогда БОГ вам все простит
Исполнив светом Сердца Чашу
И Райский Сад вновь станет вашим
И Солнце лаской одарит

Улетай далеко
Улетай поскорей
Там внизу опрокинутся слезы звезд
Посмотри этот нож
Рубит души людей
Тех, кто верил в способность летать всерьез
Над свечей, ломая крылья на лету,
Вспыхнут, как сухие листья, имена
И заглушит крик бессилья восходящая звезда,
Сбросив тело человека на ходу
Ты – не бабочка, тебе здесь не гореть,
Ты – не змей, рожденным ползать не суметь
Так подняться, как поднимется звезда,
Лишь один рывок – и ты свободен навсегда
Он летел, ломая крылья, в пустоту,
Свято веря в то, что он уже звезда
Но повис, застряв в пространстве,
Не заметив на лету
Над землей натянутые провода
Он кричал – но не от боли,
От обиды за людей,
Что не дали взмыть звездой в высоту!
А наутро люди в поле
Обнаружили звезду...

У меня уже вечер
А на улицах - день
В доме пить уже нечего
Да и в общем-то лень
Шторы плотно закрыты
Лунный свет с потолка
И в стаканы разлита
Недопита тоска
Мутный желтый напиток
Вкуса выцветших грёз
Шторы плотно закрыты
Мы играем всерьёз
Мы играем со смертью
В прятки в доме вдвоём
В душах уличный ветер
Нам поёт о своём
Я смешаю коктейль
Из души и тоски
Там - за шторой - апрель
Что-то давит виски
Там за окнами - день
Мне на это плевать
Я бы умер, но лень
Очень лень умирать.

1989

Ткните пальцем в небо —
Это символ Любви
Зрелища и Хлеба
Требуют они
Усеченной призмой
Засиял закат
Нету оптимизма
У тех, кого казнят
Запылают золотом
Синие костры
Как ударят молотом
Ведьмы в твои сны
И багрянец шелковый
Окропит леса
Будет – но надолго ли
Новая Роса

САПОЖНИК ЧАСОВ

Его мир – на уровне ваших глаз
Его глаза – на уровне ваших ног
И если вы встретите его хоть раз
То дай Бог вам мимо пройти,
Дай Бог!

Потому что он Сапожник Летних Часов
Потому что его джинсы состоят из заплат
Потому что в волосах его полно цветов
И вообще он часовой земляничных солдат

Я встретил тебя
Как солнце встречает луну
Я встретил имя твое
Как мед на губах
Я встретил душу твою
Как птицы встречают весну
Я встретил тебя
В голубах снах
Я встретил тебя
Как землю встречают дожди
Как после долгой дороги
Путник встречает свой дом
Как утром травы в росе
Встречают солнца лучи
Я встретил тебя
И вот мы вдвоем
И все это время
Я гляжу на тебя
Не могу наглядеться никак
И все это время
Я гляжу на тебя
И все это время
С тех пор, как...
И вроде бы вместе
И в душах что-то
Танцует в ритме одном
Но каждый поет о своем
Каждый молчит о своем

Темных тэней не страшись
Я приду к тебе среди них
Это странно быть может
Ведь я был ангелом света
Но теперь я всего лишь проводник
Уводящий отсюда живых
Полных света
Но не нашедших ответа
В этом мире так много
Трупов кричащих,
Так много молчащих живых,
Из них каждый стремится
свой мир обрести
и лишь я увожу туда их
я приду за тобой
когда будет гроза
это лучшее время для тех
кто уходит, как будто домой, в небеса
и не ведает, что есть грех

[Rock-n-Roll]

Я помню еще тех, кто призывал
Отдать все сердце рок-н-ролла
Я помню еще тех, кто сердце отдавал,
Но в душу не впускал его
Их жизнь была, быть может, хороша
Как ангелы, сердца их пели
Но почему молчала их душа?
Ну отчего же в самом деле?
I sold my soul to Rock-n-Roll!
Я продал душу рок-н-ролла!
I sold my soul to Rock-n-Roll!
Я продал душу рок-н-ролла!
И пусть я в гору не пошел,
Зато прошел я неплохую школу
И на душе так хорошо,
Когда в душе есть место рок-н-ролла!
Быть может я не прав! Не мне решать –
Пусть каждый отдает ему, что может
Но роком надо жить и надо им дышать!
Иначе просто совесть душу гложет!
И мама говорила мне не зря:
Не выпускай эмоции наружу! Но!
Эта песня посвящается моя
Отдавшим сердце рок-н-ролла
И отдавшим душу!
I sold my soul to Rock-n-Roll!
Я продал душу рок-н-ролла!
I sold my soul to Rock-n-Roll!
Я продал душу рок-н-ролла!
И пусть я в гору не пошел,
Зато прошел я неплохую школу
И на душе так хорошо,
Когда в душе есть место рок-н-ролла!

Сшейте мне саван
Белого цвета
Им я укроюсь
Как кончится лето
В нем я укроюсь
От глаза людского
Белое солнце
Мира лихого
Лягу на стол я
Три дня промаюсь
Свечи заплачут
Меня провожая
Воск оплывая
Небыль рисует
Солнце в Луну
Обратиться рискует
Пусть войдет та,
Что любил, да не
встретил
Боже, в толпе
Ты нас не заметил
Пусть поцелует
Холодные губы
Слышишь, как воют
Небесные трубы?
К свету сквозь кровлю
Мертвой звездой
Вырваться кровью
Вместе с тобою
Ахнуть, теряя
Землю из вида
И позабыть
Все на свете обиды
Солнцем гореть
Дождаясь затмения
Раненой птицей

И привиденьем
Тенью растаять
Вздохом исчезнуть
Там – мне свободно,
В теле – мне тесно...

Если очень захотеть умереть - то это можно
В этом мне не помешают врач и неотложка
Не удержат ни друзья, ни работа
В этом театре ведь нельзя
Удержать кого-то
Здесь спектакль стар и сер
Я уйду из зала
Прижмусь грудью к толще недр –
Чтоб теплее стало
Выйду, выброшу билет
Сожалеть не буду
За своей любовью вслед
Я уйду отсюда

И каждый раз, когда кончается день,
Я подметаю улицы ветром
Я вытираю пыль на потускневшей луне
И посыпаю голову пеплом...
Вот и кончился день, еще один день,
И я снова блуждаю по улицам тенью
В голове моей – чушь и дребедень,
Просто я заболел вечерней болезнью

Только вечером я – хозяин дворов
И мы смотрим глаза в глаза – я и город
Смотрит он на меня окнами домов
А в моих глазах – лишь тоска и холод,
Мы срослись с ним и плотью и душой
Его улицы мне – словно вены
Я вскрываю их вечером полной луной
Я останусь с ним и не будет измены...

Я хочу быть лишь теплым ветром
Ни покоя, ни света, ни счастья
Не прошу я... лишь теплым ветром,
Успокаивающим ненастье
Буду счастьем я и покоем
Буду светом, сжигающим скверну,
Я уверен и я спокоен
Будет время – и я стану ветром

ПОЭТ И МУЗА

К поэту явилась муза -
Почти ни во что не одета...
Сказала - я из Союза
Художников... не поэтов...

Вдвоем раскупорили пиво,
На окнах у них - затемнения,
Соседка потом говорила -
К поэту пришло вдохновение...

Поэт писал без передышки...
А муза - пила шампанское,
Листала поэта книжки
И курила сигары гаванские...

Она ушла на рассвете -
В колготах и норковой шубе,
Оставив вокруг поэта
Бумаг исписанных груды...

Она умчалась красиво
С чьим-то кабриолетом...
А поэт... пошел снова за пивом...
Почти ни во что не одетый...

1990

подражаем поэтам былого
позеры...

ловим в зеркале
унылые ноты чужие
отражения, искажения,
в вечном поиске
тени спутались
загорелись лучинами дымными
закоптили пробелы памяти....

а где мы? и остались ли?
на лоскутных просторах Сегодня
рассыпаемся точно бусины....

могу... целовать цветы...

в лучах заката
пролитых кровью алой

если небо кровоточит
значит оно просто устало

но облака умоют его
голубизной прозрачной

если небо течет водой
просто дождь идет значит

и я истекаю из облаков
одиночества и надежд праздных

сею как дождь небесный любовь
среди людей таких разных

О, сколь бы счастлив умереть я был -
Чтобы носиться духом бестелесным
Среди доселе неизведанных светил,
Взирая на людей с печалию небесной...

Я бы любил их всех и каждого из них,
Внимания не обращая на взаимность,
До тех пор, пока сердца моего ритмичный стук не стих...
И пока есть во мне любви необходимость.

1988

Ветер души сплетает не в сонную полночь,
Окропляя их светом молочной луны,
И не в солнечный полдень взмывают их сонмы
Под хрустальные выси небесной весны,
Не в полях, не в садах они танцем тревожат
Первозданную тишь скрытых сном райских кущ,
Вы поверьте, - иные просторы есть тоже -
В глубине единенья восторженных душ!..

Дом мой - Огненную Вечность -
Плавит Космос Раскаленный.
Разум ищет Бесконечность, -
В плазму Солнцем обращенный.
Мое время - Миг и Вечность,
Глаз - Зеркальное Пространство,
Голос - Сны и Шум Абстракций.
Мне оставьте только это...
В тысяче имен живу Я
Золотым Сияньем Мрака
Безымянный, в Шуме Моря
Светом Космоса сияю!..
Аз есмь Алфа и Омега,
Я - Конец и Я - Начало,
Я - Рождение и Смерть - Я...
Шум Тиши и Светоч Мрака.
Семя Лотоса на Небе
Вечным вихрем танца полнит
Незаполненные звуки
В свете Солнечного Мига...

(ИЗ “ЧЕРНО-РОЗОВОГО ЦИКЛА”)

ЕСТЬ У БОЛИ - ЧЕРТА...
ЕСТЬ ГРАНИЦА У ВРЕМЕНИ...
ЕСТЬ У ЖИЗНИ - КОНЕЦ...
И У ОМУТА - ДНО ЕСТЬ ПРЕДЕЛ...
КАК УЙДУ -
СОБЕРУТСЯ НАД ГРОБОМ МОИМ
ОДИНОКИЕ ГОЛУБИ...
И КЛЕВАТЬ БУДУТ ТО,
ЧТО ПОСЕЯТЬ Я НЕ УСПЕЛ...

Сквозь серый дождь
Взмыл ворон в небо -
В юдоль, исполненную слез...
И пал на гроб истлевший немо
Букет суицидальных грез...

Я стану смертным в один день
И сброшу ангельские маски
И жизнь моя из дивной сказки
Уйдет в беспмятную тень...
И я коснусь тогда земли
Бессильными души крылами,
И окажусь в зловонной яме,
Где смертных жизни протекли...
Но если мне в небесной тверди
Найти покоя не дано
И ждать тот день мне суждено, -
Пусть он придет за день до смерти...

Я родился в час печали
Когда вороны кричали
И надежда умирала
Словно дева на кресте
Я запомнил эти миги
Словно солнечные блики
Когда кровью зарыдала
Мертвая Луна во мгле

Дама в светло-голубом -
Промелькнула тенью парка...
И шампанское со льдом
Расплескала моя чарка...

Я, дыханье затаив,
Вслед глядел ей с чувством нежным,
Но растаял, словно миф,
Первый мартовский подснежник...

Встретить больше не смогу
Те пленительные очи,
Зачарованные ночью,
Подарившей мне весну...

Я завернусь в расшитый звездами
ковёр ночного неба -
Он спасет меня от приступов
зеркальной лихорадки
Ты будешь посылать мне в спину
сном отравленные стрелы,
Ты будешь задавать луне
молочным голосом загадки...
Но серебро твоих ресниц
растает огненною лавой,
С губ-лепестков, как со страниц,
струится лед стальной отравой...

Волшебные слезы наполнят бокал,
Жезлом открывая тайны зеркал
И пламенем времени цепи прорвав,
Шагнут, искажая иллюзией явь...
И вздрогнут миры, и, нарушив свой ритм,
Вселенной корабль наткнется на риф,
И мы, разрушая наш кельтский узор,
С улыбкою снова взойдем на костер...

КАЧЕЛИ

Во дворе качели качались,
Оглашая скрипом весь свет,
Рядом с ними мы собирались,—
Было нам по пятнадцать лет
В дни далекие, полные солнца,
Развлечений и детских забав,
Мы узнали о тех, что зовутся
Хиппи, дети цветов и трав,
Что, мол, верят в любовь эти дети
В доброту и в мир боз войны,
Что уже их много на свете...
Во все это поверили мы.
Отрастали длинные патлы,
Выгоняли из школы за них, -
А мы были этому рады
И сжигали старый дневник
Годы - фильтр, который оставил
Только тех, кто остался собой
Не признав мир жестоких правил,
Мы вступали в неравный бой...
Во дворе качели качались,
Раздувал ветер копны волос
Под качелями мы собирались,
Кто стал хиппи навечно, всерьёз...
Время шло и все в мире менялось
Кто был с нами, куда-то ушли
Нас совсем уже мало осталось
Поседали патлами мы...

Ах, черт возьми, как все меняется!..
И я уж не тот, что был прежде
Во времени мы растворяемся
И тают мечты и надежды,
Прошло время шумных тусовок
И тают мечты голубые
И я без очков теперь розовых
Смотрю и глазами другими...
Я вижу, что видел и раньше,
Но только в другом освещении, -
Осколки фарфоровой башни,
Огрызки былых угощений...
Я видел сквозь волосы Солнце
И спал я в домах на снос,
Я помню дворы-колодцы
И невскую воду слез...
Я холод познал подворотен,
Где пели о том, чего нет
И только один из сотни
Находит в потемках свет
И я не хочу восторгаться
И я не хочу поносить
И я не хочу тусоваться
Но я не хочу уходить
Это – мой дом
Это – мой лес
Это – моя Страна Чудес
В солнечных днях беззаботных
Где мы увидели свет
Но, знаете, нет охоты
Помнить потемки тех лет...

Мы пили кофе в Сайгоне,
Ночевали в пустом вагоне
И погоны - за нами в погоне
Дышали дорожной пылью

А мы были - какими были,
А когда в облака уходили -
Улыбаясь небу просили,
Расскажите, что мы были былью

1990

НАБРОСКИ

***

...твои глаза - блестят и дышат,
как дышат солнце и луна...
и кожа - чувствует и слышит
и музыкой душа полна...

***

это просто падают звезды
с несбывшимися мечтами
распятые на перекрестках
запечатанные в грубый камень

***

ты влетела в мое окно
словно с ветром майских ночей
но мне было тогда все равно
я привык к тому, что ничей

***

воск моего мозга
капает как свечка
и колючие глаза
вместо глаз цветут
в груди кактус бьется
болью бесконечной
я умру – за мною
ангелы придут

[заклинание магического меча]

как был ты выкован ночью безлунной
исполнись огнем моей страсти безумной
будь тверже металла и зуба дракона
и камня и клятвы и Божья Закона

***

у кошки – девять жизней
у меня – лишь одна
но я хочу испить
эту чашу до дна
и я хочу узнать,
что будет дальше
и в чем моя вина?

***

Слезы вновь плетут узоры жемчужные,
Словно вырваться на воли свет нужно им, -
Оторваться от земли лучем розовым,
А на небе - они вновь станут звездами..

***

Шум и Свет - суть Тишь и Тьма -
Пустотой полны их волны,
Уносящие меня -
Прочь от берегов людей -
В Океан Безмолвный -
...Счастья...

***

...О, как не нов сей мир!..
Но безупречны -
черты его, -
Как втравленны в металл:
Златые буквы, Солнечная Вечность
И лунный холод призрачных зеркал...

***

...Свет - это когда темно темноте
а день - это когда умирают тени
тех, кто ждал его долгую ночь,
наступившую в наших сердцах...

***

Я по тебе скучаю по ночам,
Скучаю без надежд на избавление -
И по молочно-мраморным плечам,
И по очам, в которых - звезд свечение
Затмило мне навеки Млечный Путь...
Теперь наверняка мне не уснуть...

***

Лиловые чувства
Выцветают и блекнут
Под натиском невинности первого снега
Я устал быть источником
Тепла Земли
Мне так хочется
просто горячего чая...

***

...твои глаза - блестят и дышат,
как дышат солнце и луна...
и кожа - чувствует и слышит
и музыкой душа полна...

4. ПостскриптуМ

2015-2016

Уходящему поколению хиппи...

Заспешили часы у знакомых -
Погребальными звонами время
Отсчитали, и на иконах
Циферблат отвели поколению...
Накупались в маковых росах,
Вспоминая цветочные грёзы,
Облучались в раковых дозах,
Забывая былые невроты...
Уходили на трассу в вечность
Сквозь бурьяны быта - к нирване
Я однажды их снова встречу...
...и мы накуримся всякой дряни...

По цветочной тропе
В конопляный туман
Уходили в страну
Земляничных полей
Те, кто шли вчера с нами
И на трассе сквозь сон
Замерзали ночами
И делились теплом
Улыбнуться успели
На прощанье не все
И с листвой облетели...
И остались в росе...
А мы ищем и ждём их
И каждой весной
Среди диких цветов
Бредём той же тропой...

Я сканирую фото покойников
Втихаря соскочивших с подножки
От паскудников - до разбойников
И невинных жертв неотложки
А они улыбаются солнечно,
Так беспечно, черти, что завидно
Будто им лучше всех этой полночью
Будто жили они все праведно...

О любви, говорите?
Вы помните, что это значит?
Я не спорю... Просто раньше
Все было иначе... -
Больше букв в словах,
Напечатанных на машинке,
Поцелуев - в губах...
У родных - больше слез
На поминках .
Меньше пластика в тряпках,
Но будто бы больше стилия
Пустота на прилавках -
Но застолье -
всегда с избытком
Дефицит и застой -
Но 'больше хороших товаров'
Домино и запой -
Но в Москве -
было больше бульваров ...
И объятия - жарче
и руки крепче держали
И к груди с чутким сердцем
Чаще меня прижимали...
Все немного иначе теперь,
Но в общем и целом - фантастик!
А любовь? - клейте ценник,
Пакуйте в пластик
Спрос велик -
Ведь её все ещё окружают тайны
Осторожнее только -
А вдруг она — “made in China” ?

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Об Авторе	
	Мое Хождение в Страну Хипшляндию	7
	Немного о себе	10
	История «Последней Надежды Рока»	12
2.	ПРОЗА 1988-1989	
	Сказка № 67	28
	Крысолов (Смерть)	31
	Эвелин	48
	Мыльный Пузырь	72
3.	СТИХИ 1985-1991	
	Вы никогда не видели Солнца сквозь волосы?	88
	Люди смотрят в небо...	89
	Туда, где нет трупов животных...	90
	Лучшая сторона Луны	91
	Еще вчера тебя я не знал...	92
	Перламутром землю окрасила...	93
	Мы — потерянное поколение	95
	Волосы наши длинны....	96
	Страна Вечной Любви	97
	Тому, через что мы прошли...	98
	Они были длинноволосы	99

Улица Горького, Невский проспект	100
В Тушике	101
Памяти Джона Леннона	102
Маленький мальчик с бледным лицом	103
Песочные Часы (Ты живешь своей жизнью)	104
Сегодня закончится время	105
Моя Игра (не стоит свеч)	106
Там, где отражается пепел сердец	107
I'll fall in love when it is nowhere else to fall	108
Я ушел от тебя, чтобы снова вернуться	108
О, Господь, обрати меня в птицу...	109
Я себя убивать не буду	110
От Сайгона до Бульварного кольца	111
Ты непустишь в свой замок чужих	112
Королева Слез (Черный Конь)	113
Молитесь Богу, как Любви	115
Улетай Далеко (Звезда)	116
У меня уже вечер...	117
Ткните пальцем в небо	118
Сапожник Часов	119
Я встретил тебя	120
Темных теней не страшись	121
Я продал душу рок-н-ролла	122
Сшейте мне саван	123
Если очень захотеть умереть....	124

И каждый раз, когда кончается день...	125
Я хочу быть лишь теплым ветром	126
Поэт и Муза	127
Подражаем поэтам былого	128
Могу... Целовать цветы	129
О, сколь бы счастлив умереть я был!	130
Души (Ветер души сплетает...)	131
Дом мой — Огненную Вечность...	132
Есть у боли — черта	133
Сквозь серый дождь....	133
Я стану смертным в один день	134
Я родился в час печали	134
Дама в светло-голубом	135
Я завернусь в расшитый звездами ковер...	136
Волшебные слезы наполнят бокал	137
Качели	138
Ах, черт возьми, как все меняется!	139
Мы пили кофе в Сайгоне	140
ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ	141
4. ПОСТСКРИПТУМ 2015-2016	
Уходящему поколению хиппи	146
По цветочной тропе	147
Я сканирую фото покойников	148
О Любви, говорите?	149